

Д. Л. Шукуров

**РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД
И ПСИХОАНАЛИЗ**

в контексте интеллектуальной культуры
Серебряного века

Дмитрий Леонидович Шукуров
Русский литературный авангард и
психоанализ в контексте интеллектуальной
культуры Серебряного века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9740451

Д. Шукуров. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века: Рукописные памятники Древней Руси; Москва; 2014

ISBN 978-5-9551-0718-9

Аннотация

В книге исследуется влияние психоаналитического дискурса на процесс трансформации художественного языка и формирование поэтики деструктивности в русской авангардной литературе первой трети XX века.

Монография адресована филологам и всем интересующимся историей русского литературного авангарда.

Содержание

Введение	5
1. Психоаналитический подход в литературоведении и культурологии	13
1.1. Формирование проблематики	13
1.2. Современные исследования	25
2. Серебряный век в истории отечественного психоанализа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Дмитрий Шукуров
Русский литературный
авангард и психоанализ в
контексте интеллектуальной
культуры Серебряного века**

© Д. Л. Шукуров, 2014

© Рукописные памятники Древней Руси, 2014

* * *

*Моим дорогим наставникам, Ие Ивановне Анисимовой и Валерию
Петровичу Ракову*

Введение

Русский литературный авангард при специфичности своих истоков и эволюции исторически отмечен структурно-диахронической конвергенцией с психоанализом, но теоретические и историко-культурные контексты эстетической рецепции психоаналитических идей в дискурсе отечественной авангардной литературы до сей поры остаются не прояснёнными и малоизученными.

В трудах весьма немногочисленного круга авторов положено начало исследованию распространения идей З. Фрейда (1856–1939) в контексте русской культуры XX века. Российские и зарубежные учёные А. М. Эткинд [261–264], В. И. Овчаренко [158–163], В. М. Лейбин [125–131], А. И. Белкин [22; 23], А. В. Литвинов [134; 135], Д. С. Рождественский [187], М. А. Miller [310; 311], М. Ljunggren [307], D. Young [326], G. A. Pollock [314], Н. Scott [318], А. Kozulin [303], L. Chertok [279], F. Choate [280] в своих работах реконструируют историю психоанализа в России, рассматривают важные контексты влияния психоаналитических идей в интеллектуальной парадигме Серебряного века. Отечественная гуманитарная наука всё чаще обращается к забытым страницам интеллектуальной истории России первых десятилетий XX века. Одним из актуальных аспектов исследований становится история российского психоанализа.

Наша работа нацелена на изучение наиболее близкой психоанализу с эстетической, методологической, культурологической точек зрения части русской литературы – авангарду. В этом ракурсе вопрос практически не затрагивался.

Среди современных исследований темы можно выделить спорный и неоднозначный, но значительный и опережающий время труд И. П. Смирнова «Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» (1994) [203], в одной из частей которого дан репрезентативный анализ психотипических особенностей ряда авторов русской авангардной литературы.

Однако для нас важна принципиально иная задача – мы не изучаем психотипы русских авангардистов и тем более не ставим «диагноз» авангардной эпохе. Мы исследуем, во-первых, фактические контексты непосредственного или опосредованного восприятия идей Зигмунда Фрейда в авангардном творчестве и, во-вторых, имманентные литературным произведениям русских авангардистов психоаналитические конструкты (такие как *диссоциация*, *онейрическая реальность*, *свободные ассоциации*, *афазии* и т. п.) и их влияние на развитие литературного дискурса.

Мы рассматриваем влияние фрейдизма на творчество русских футуристов в 1910-е годы, в частности, на формирование оригинальной *поэтики ошибки* (или иначе – *поэтики деструктивности*) кубофутуристов и группы заумников «41°». Не меньший исследовательский интерес вызывает интерференция дискурсов психоанализа и русской авангардной литературы в 1920-е годы – время, когда психоанализ приобретал в России институциональные формы.

Искусство авангарда первой половины XX века проявляло особое внимание к психоанализу. Многие западноевропейские и отечественные авангардисты живо интересовались фрейдистскими идеями, ярко и оригинально их использовали в своём экспериментальном творчестве. Представляется вполне уместным исследовательское рассмотрение самого фрейдизма в качестве важной составляющей авангардной культуры, так как психоаналитический дискурс формировался в контексте радикального поворота в осмыслении человеческой психики и смены традиционной парадигмы восприятия искусства и литературы.

Так, в контексте западного авангарда психоанализ был воспринят как своего рода верифицирующая экспериментальные художественные поиски модель. Самые разные худож-

ники-новаторы – Андре Бретон, Сальвадор Дали, Франц Кафка, Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Самюэль Беккет и многие другие – искали не столько теоретической поддержки психоанализа, сколько эвристического подтверждения и научного обоснования уже существующих творческих идей, одновременно находя питательную почву креативности в таинственной области бессознательного, открытой и описанной Зигмундом Фрейдом.

Безусловно, многие представители искусства не могли знать глубоко фрейдистское учение, однако сама атмосфера научно-теоретических дискуссий, проходивших вокруг психоанализа на протяжении всей первой половины XX столетия в самых широких интеллектуальных кругах, влияла даже на неосознаваемом уровне на творчество выдающихся мастеров искусства авангарда:

Крупнейшие представители авангарда... – отмечает В. В. Бычков, – часто вполне сознательно обращались к сфере бессознательного, стремясь именно её вожделения, интенции, образы довести тем или иным способом до прямого, обходящего контроль «цензуры» предсознания (Я), воплощения в своих произведениях. Дадаизм, отчасти экспрессионизм, сюрреализм, театр абсурда, литература «потока сознания», динамический абстракционизм, абстрактный экспрессионизм, поп-арт, живопись действия, многие феномены постмодернизма, почти все крупнейшие личности в изобразительном искусстве (Клее, Шагал, Пикассо, Дали, Миро и др.), писатели (Кафка, Джойс, Т. Манн, Гарсиа Маркес и др.) и кинорежиссеры (Бергман, Феллини, Антониони, Бертолуччи, Гринуэй и др.) XX в. чаще сознательно (иногда бессознательно) творчески трансформировали идеи фрейдизма в своем искусстве и нередко делали на них достаточно сильные акценты. Далеко не всегда эта акцептация была корректной и органичной [132, с. 469].

Известно, что западноевропейские дадаисты и сюрреалисты активно использовали в своём творчестве приём автоматического письма, который появился в результате увлечённого изучения обширной психологической традиции, восходящей к концепциям французского психолога Т. Рибо (1839–1916) и американского философа и психолога У. Джеймса (1842–1910) (теория «автоматического письма»), теориям французского психиатра Г.-Г. Клерамбо (1872–1934) и российского психиатра В. Х. Кандинского (1849–1889) (концепция «психического автоматизма»), психоаналитическим техникам К.-Г. Юнга (1875–1961) и З. Фрейда (1856–1939) («метод свободных ассоциаций») (об этих теориях см. работу И. Е. Сироткиной [199]). Сюрреалистическое «автоматическое письмо» в большей степени было сходно по своим принципам психоаналитическому методу свободных ассоциаций, выражаясь в спонтанном когнитивном акте, неконтролируемом «цензурой» рационального сознания. Подобный художественный метод, воплощающий в себе спонтанность и контингентность творческой стихии, получил широкое распространение в авангардном искусстве самых разных течений:

В самых продвинутых современных арт-практиках любой жест художника воспринимается как художественно значимый, ибо у его носителя он является транслятором какой-либо бессознательной интенции [132, с. 469].

В России, как и за рубежом, психоаналитическая теория З. Фрейда привлекла внимание не только представителей врачебных кругов (В. П. Сербский, И. Д. Ермаков, Н. Е. Осипов, Ю. В. Каннабих и др.), но и – в силу философской и культурно-исторической перспективы психоанализа – многочисленных деятелей культурного сообщества, в том числе – авангардистов.

Мы уже имели возможность отметить специфичность художественно-эстетических стратегий русского футуризма в сравнении с художественными установками и эстетической платформой итальянского футуризма, обусловившего популярность этого течения в Европе [256]. Русский футуризм вступил в парадоксальное противоречие с концептуальным содержанием в названии течения (от лат. *futurum* – будущее), выражающим темпоральную устремлённость авангардистского мировоззрения вперёд по вектору времени и эстетическую нацеленность художественных принципов экспериментального искусства на будущее, чреватое радикальной трансформацией культуры как таковой. Эстетика русского футуризма, поддерживая характер новаторских устремлений, тем не менее в ряде своих версий уходила корнями в архаическое прошлое культуры. Будетляне вдохновлялись феноменами первобытного и этнического искусства, художественным примитивом, а также черпали творческие идеи из области наивного и детского творчества, творчества умалишённых, что сближало русский авангард с психоанализом, также обращавшимся к изучению феноменов архаических культур, детской психики и человеческого безумия (см. на эту тему работу современника футуристов Е. П. Радина «Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов», опубликованную в 1914 г. [176]). Эксперименты русских футуристов и заумников в этом плане вполне сопоставимы с творчеством западноевропейских дадаистов и сюрреалистов. К слову сказать, о творческих контактах сюрреалистов с русскими авангардистами писал Ж.-Ф. Жаккар в фундаментальном исследовании по истории русского авангарда [76]. Известный историк футуристического движения В. Ф. Марков отмечал сходства текстов русских футуристов (А. Е. Кручёных, И. В. Игнатъев) и произведений сюрреалистов, созданных по принципу «автоматического письма» [144]. А в предисловии к книге заумной поэзии русского авангардиста И. М. Зданевича известный французский дадаист Жорж Рибемон-Дэссень отмечал, что заумь можно рассматривать как «форму русского литературного дадаизма» («La forme russe du dadaism littéraire») [317]). Дадаизм был достаточно хорошо известен русской критике и читательской аудитории в 1920-е годы благодаря ряду состоявшихся публикаций (Г. К. Баммель [12], В. М. Фриче [233], А. М. Эфрос [265], Р. О. Якобсон [270]). Теме восприятия дадаизма в России была посвящена работа Б. Горелого [59] (причём автор особо подчёркивает отличия школ русской зауми и европейского дадаизма). (См. об этом также сборник научных трудов «Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре», подготовленный Л. Магоротто (1991) [81].)

Возврат к архаике и апелляция к наивному творческому акту обуславливали освобождение нового искусства – искусства будущего – от сковывающих и тормозящих его развитие жанрово-стилевой догматики и риторизма классического дискурса. Спонтанность и непредсказуемость творчества, свобода художественных ассоциаций и немотивированность создания образов, неосознаваемые действия художника и его безотчётные поступки, воспринимаемые как наиболее аутентичный творческий акт, – такова манифестируемая русскими футуристами программа авангардного искусства, имеющая много общего с идеями психоаналитического дискурса.

Представляется, что названная нами выше специфичность русского футуризма, принципиально расширившего контексты восприятия творчества, характеризует отечественную авангардную литературу в целом и сближает её с психоанализом как радикальной дискурсивной практикой XX века.

Таким образом, *объектом* теоретического и историко-литературного рассмотрения в нашей работе становится *интерференция* авангардного и психоаналитического дискурсов в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века, в частности, рецепция психоаналитических идей и конструктов (*диссоциация, онейрическая реальность, свободные ассоциации, афазии* и др.) в литературе русского авангарда первой трети XX века.

В представленной вниманию читателя монографии изложены результаты исследования как самых ранних эпизодов взаимодействия авангардной литературы и психоанализа (до 1920-х гг.), так и периода, когда психоанализ приобретал в России институциональные формы (1920-е гг.). Наша работа не претендует на исчерпанность проблематики, так как намеченные в ней концептуальные выводы выступают в качестве эвристических идей, требующих отдельного фактографического изучения.

Тем не менее, кроме теоретического и прикладного ракурсов анализа, в нашем исследовании присутствуют и достаточные историко-литературные обоснования, а также фактографические данные. И то, и другое подтверждает продуктивность научного замысла исследовательского сопоставления поэтики русского авангарда и психоанализа.

Следует отметить, что с одной стороны очевидный, а с другой – неожиданный ракурс теоретического анализа отличается принципиальной *новизной*, так как в современной гуманитарной науке данный контекст остаётся практически не изученным.

Помимо названного обстоятельства укажем и ещё на одну существующую в гуманитарной науке лагуну, восполнение которой было начато в современных исследованиях, но отнюдь не завершено сегодня, – это история рецепции психоанализа в русской культуре Серебряного века. Некоторые исследовательские работы по этой теме принадлежат как отечественным, так и зарубежным учёным (см., например, уже упоминавшиеся нами выше труды). Тем не менее многие аспекты данной проблематики остаются только в самом начале серьёзного научного рассмотрения.

В трудах зарубежных учёных сложилась солидная исследовательская база в области изучения взаимосвязей западноевропейской авангардной традиции и фрейдистского учения. Однако в современной гуманитарной науке (как отечественной, так и зарубежной) остаётся практически незатронутым *вопрос о восприятии психоанализа литературой русского авангарда*.

Таким образом, необходимо проведение междисциплинарного научного исследования проблематики, связанной с историей взаимодействия авангардной литературы и психоанализа в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века.

Следует отметить важность и *актуальность* данной темы для развития междисциплинарного гуманитарного знания, так как проведение исследования планируется на стыке двух областей – литературоведения и психоанализа. Такая интерференция научных дискурсов представляет особый интерес, поскольку связана конкретно как с историей и теорией русского литературного авангарда, так и с историей и теорией психоанализа в России. Основанием для научного сближения служит революционный характер и авангарда, и психоанализа.

Цель научной работы – формирование концептуально-теоретической модели, направленной на синтетическое осмысление опыта взаимодействия русской авангардной литературы и психоанализа в контексте отечественной интеллектуальной культуры Серебряного века.

Задачи научного исследования:

- 1) рассмотреть влияние психоанализа на эстетику и поэтику авангардных направлений русской литературы первой трети XX века;
- 2) обосновать концептуальную общность психоаналитических принципов и ряда экспериментальных художественных практик русских авангардистов;
- 3) проанализировать фактический материал, свидетельствующий о творческой увлечённости фрейдизмом представителей русского литературного авангарда;
- 4) рассмотреть формирование авангардной *поэтики ошибки* в контексте психоаналитических приёмов, техник и принципов (метод свободных ассоциаций, принципы толкования ошибочных действий, оговорок, опечаток, феноменов забывания и сновидения);

Интерференция дискурсов авангарда и психоанализа оказалась продуктивным источником ярких открытий в области массовой культуры XX века (например, в феноменах рекламы или PR-технологий). К сожалению, и этот интереснейший аспект редко становится предметом исследовательского рассмотрения в современной гуманитарной науке. Поэтому в качестве прикладной задачи исследования мы намечаем:

5) анализ влияния авангардной *поэтики деструктивности* на дискурсивные практики в сфере современных интегрированных коммуникаций (СМИ, реклама, связи с общественностью, политехнологии). Это позволит нам сформировать инновационную модель перформативного словесного творчества в дискурсе современных интегрированных коммуникаций, что, безусловно, актуализирует ещё в большей степени избранную в нашей работе проблематику.

Методологические основания исследования

Для решения поставленных в работе задач мы используем метод сравнительно-типологического изучения литературного процесса и методы исторической поэтики, привлекая также в ходе исследования герменевтический метод и методологическую стратегию деконструкции текста, сочетающиеся с психоаналитическими приёмами и практикой дискурсивного анализа.

Сравнительно-типологический метод необходим для проведения анализа на уровне фундаментальных структур в рамках типологии авангардного слова.

Методы исторической поэтики используются для концептуализации принципов преемственности в дискурсе русского литературного авангарда.

Использование *герменевтического метода* исследования обусловлено логикой научного анализа, в котором толкование парадоксальных литературных текстов русских авангардистов эксплицирует их иррациональную природу.

И, наконец, *методологическая стратегия деконструкции* текста вкупе с избирательно используемыми психоаналитическими приёмами и практикой дискурсивного анализа позволяют существенно расширить сферу современных представлений об историко-литературном и социокультурном контекстах развития русского авангарда. *Дискурсивный анализ* необходим ещё и потому, что любой текст в авангарде понимается не только как манифестация креативной идеи автора, но и как способ трансформации мира посредством новой языковой реальности, т. е. в качестве дискурсивной практики.

Как известно, стратегию «деконструкции» текстов предложил французский философ Жак Деррида (1930–2004) [286]. Основное значение этой стратегии заключается в процессе деструкции текста – разрушении присущего ему логоцентризма – и его одновременного реконструирования, *вос-становления* контекста:

Деконструкция не является каким-то методом и не может быть трансформирована в метод. Особенно тогда, когда в этом слове подчеркивается процедурное или техническое значение <...>, – писал Ж. Деррида. – Слово «деконструкция», как и всякое другое, черпает свою значимость лишь в своей записи – в цепочку его возможных субститутов – того, что так спокойно называют «контекстом» [65, с. 56–57].

Одной из методологических задач работы является такое реконструирующее и моделирующее восстановление контекста, объединяющего дискурсы русского литературного авангарда и психоанализа.

В сборнике работ американского учёного-слависта Д. Ранкур-Лаферьера (D. Rancour-Laferriere) «Русская литература и психоанализ» (2004) [183] были сформулированы основные варианты исследовательских парадигм, которые разворачиваются между понятиями «русская литература» и «психоанализ». В рамках *первой* парадигмы в качестве объекта

психоаналитического исследования выступает русская литература. Объектом *второй* парадигмы вполне могут быть психоаналитически проинтерпретированные литературно-критические исследования самой русской литературы. *Третья* и *четвёртая* парадигмы переворачивают исследовательские координаты и меняют местами субъекты и объекты двух предыдущих: психоанализ объявляется объектом рецепции в русской литературе и русской литературной критике. «В свою очередь, каждая из этих, хотя и абстрактных, но обладающих предметностью, связей, – отмечает исследователь, – также может быть подробно рассмотрена. Причём а priori не исключена возможность других связей»¹ [183, с. 129].

Д. Ранкур-Лаферьер ссылается на школу так называемых «французских фрейдистов» (S. Felman [289], J. Gallop [294]), которые в попытках избежать односторонних суждений методологически обосновали взаимозаменяемость элементов пары «литература – психоанализ». И, действительно, с методологической точки зрения, такая подвижная, обратимая исследовательская модель оказывается весьма продуктивной. Возникает возможность изучения дискурсивного взаимовлияния литературы и психоанализа. Исследователь не ограничивается анализом контекстов, связанных либо только с одним, либо исключительно с другим аспектом: влиянием психоанализа на литературные стратегии творчества или исследованием самих этих литературных стратегий с психоаналитических позиций.

В настоящей работе русская литература в многосоставном целом не изучается. Мы исследуем невероятно близкий психоаналитическому дискурсу сегмент русской литературы – русский литературный авангард. Эта уникальная близость творческих устремлений авангарда и методологических стратегий психоанализа становится главным объектом изучения. Именно поэтому нами используется методологически подвижная исследовательская модель, в которой русский литературный авангард и психоанализ ориентированы относительно друг друга в качестве субъекта и объекта – вполне обратимо.

В связи с названным методологическим обстоятельством отчётливо выделяется следующий *оптимальный план работы*, включающий ряд исследовательских парадигм:

1) Концептуальное описание процесса формирования психоаналитического подхода к изучению феноменов культуры, искусства и литературы на Западе и в России.

2) Аналитический обзор вопросов рецепции психоаналитических идей в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века.

Изучение указанных парадигм позволит определить культурное пространство зарождения авангарда и психоанализа и более точно объяснить причины их взаимного тяготения.

3) Вопросы эстетики и поэтики русского литературного авангарда, заострённые на дискуссии вокруг *звуковой* и *образной* составляющих художественного слова и получившие теоретическую рефлексию в рамках знаменитой формальной школы литературоведения (В. Б. Шкловский, Р. О. Jakobson, Л. П. Якубинский и др.), соотносятся нами с психоаналитическим пониманием *имагинативной* и *фонетической* специфики в психоанализе. (Такое понимание, в частности, объединяет взгляды К. Г. Юнга на проблему *звука* и *образа*, сложившиеся в ходе проведения «ассоциативного эксперимента», и теорию парапраксиса – ошибок, оговорок, описок, ошибочных действий – З. Фрейда.) Эти вопросы включаются в отдельную исследовательскую парадигму.

4) Важную исследовательскую парадигму представляет изучение историко-литературных и теоретических контекстов влияния психоаналитических идей на развитие русского авангарда первой трети XX века. Мы анализируем свидетельства вполне осознанной авангардистами рецепции психоаналитического учения и исследуем особенности его влияния на формирование авангардной теории зауми и *поэтики ошибки*. Подробно освещаются мало-

¹ Впервые эти парадигмы были сформулированы автором в предисловии к подготовленному им коллективному сборнику исследований, вышедшему в 1989 г. [316].

известные факты из истории авангардной группы поэтов-заумников «41°», участники которой – И. М. Зданевич, А. Е. Кручёных, И. Г. Терентьев – были увлечёнными поклонниками учения З. Фрейда.

5) Теоретический дискурс М. М. Бахтина и учёных его круга в 1920-е годы формировался в контексте актуальных проблем литературы и культуры и, конечно, был связан, в том числе, с вопросами фрейдизма (В. Н. Волошинов – участник бахтинских семинаров, автор фундаментальной критической работы о фрейдизме). В данной парадигме сопоставляются концепция «чужого слова» М. М. Бахтина, его теория диалогизма, принципы построения экспериментальной прозы К. К. Вагинова и современная теория интертекстуальности, возникшая как результат психоаналитической трансформации бахтинских идей в работах французской исследовательницы Ю. Кристевой.

6) В особой исследовательской парадигме должен изучаться процесс изменения семиотической функции образа автора в культуре авангарда в России. Фигура автора в произведениях русских авангардистов постепенно утрачивает художественный авторитет, превращаясь в образ авторской «пародической личности», что крайне интересно с психоаналитической точки зрения. Здесь будут представлены новые возможности исследовательской интерпретации в традициях психоаналитически ориентированного литературоведения. В этой междисциплинарной исследовательской парадигме развивается анализ процессов *диссоциации* экспериментальной художественной («иероглифической») образности в творческой практике авторов авангардной группы «Объединение Реального Искусства» (ОБЭРИУ). Сопоставление концепций диссоциации Р. О. Якобсона и Жака Лакана приводит к неожиданным открытиям в области изучения произведений обэриутов. Исключительный интерес представляет рассмотрение процесса *диссоциации*, происходящего также на уровне авторского сознания в экспериментальных произведениях представителей этой авангардной группы. Обращение к психоаналитическим контекстам творчества Д. И. Хармса, А. И. Введенского, К. К. Вагинова – эвристический поворот в осмыслении теории художественного слова в русском авангардизме. Одновременно такое изучение обогащает исследования в сфере психоаналитически ориентированной патографии литературного творчества.

7) Наконец, нами намечено решение важной прикладной задачи – на основе изучения интерференции авангардного и психоаналитического дискурсов мы разрабатываем *инновационную модель перформативного словесного творчества*. Эта модель предстанет в нашей работе в виде моделирующего глоссария психоаналитической проблематики, связанной с изучением креативного потенциала авангардной эстетики и поэтики в контексте развития современных интегрированных коммуникаций (связи с общественностью, реклама, дизайн, политехнологии). Обращение к психоаналитическим контекстам – увлекательный разворот в осмыслении данной проблематики. Действительно, в дискурсе современной массовой коммуникации первостепенное значение имеет психоанализ, поскольку психоаналитические методики используются для выявления неосознаваемых форм воздействия на реципиента.

Настоящая монография основана на материалах исследования, проведённого автором в 2012–2013 годах в рамках работы над научным проектом «Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века», поддержанным грантом Президента РФ на 2012–2013 гг. для молодых российских учёных – докторов наук (МД-420.2012.6).

Фрагменты книги публиковались в этот период в различных научных журналах и сборниках в качестве статей. В монографию они включены в расширенном формате, в переработанном и изменённом виде.

Представленное исследование продолжает начатый автором в кандидатской (1998) и докторской (2007) диссертациях литературоведческий проект, связанный с многосто-

ронним изучением русского литературного авангарда. При подготовке монографии использовались также принципиально важные исследовательские результаты наших научных работ «Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда» (СПб.; Иваново, 2007) [256] и «Автор и герой в метаповествовательном дискурсе К. К. Вагинова» (Иваново, 2006) [254], переосмысленные с учётом новой, психоаналитической, проблематики.

Указываем избранную библиографию авторских публикаций:

Шукуров Д. Л. Дискурс М. М. Бахтина и теория интертекстуальности // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Т. 3. 2012. Вып. 2. С. 105–109.

Шукуров Д. Л. Образы деструкции в психоанализе и в философии В. С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. Вып. 2 (34). 2012. С. 65–80.

Шукуров Д. Л. Диссоциация в структуре «иероглифического» образа обэриутов: психоаналитический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 210–213.

Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина: научный журнал. 2012. № 3. Т. 5. Психология. С. 51–59.

Шукуров Д. Л. Психоаналитические аспекты изучения истории русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 213–215.

Шукуров Д. Л. Концепция «чужого слова» М. М. Бахтина и теория интертекстуальности // Теоретична і дидактична філологія: Збірник наук. праць. Вип. 13. Переяслав-Хмельницький: ФОП Лукашевич, 2012. С. 313–319.

Шукуров Д. Л. Психоанализ и концептуальные основания русского авангарда // Стих. Проза. Поэтика: Сб. статей в честь 60-летия Ю. Б. Орлицкого. New York: Ailuros Publishing, 2012. С. 582–585.

Шукуров Д. Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века (основные аспекты исследования) // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Т. 4. 2013. Вып. 1. С. 54–58.

Шукуров Д. Л., Красильникова М. Ю., Хабурова В. Н. Авангард, психоанализ и PR-креатив: перформативное творчество в дискурсе интегрированных коммуникаций (опыт составления глоссария) // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 1.4 (37). (Гуманитарные и общественные науки). С. 13–43.

Шукуров Д. Л. Русский литературный авангард и психоанализ: опыт интерференции дискурсов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). С. 214–216.

Шукуров Д. Л. Формирование психоаналитического подхода к изучению культуры на Западе и в России // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2. С. 175–188.

Шукуров Д. Л. Эрос и Танатос в культурных парадигмах западного и российского психоанализа // Сб. статей XV междунар. конф. «Россия и запад: диалог культур». 21–27 апреля 2012 г. Вып. 17. Центр по изучению взаимодействия культур. М., 2013.

Шукуров Д. Л. Патография авторской личности в литературном творчестве группы «ОБЭРИУ» // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: Сб. науч. ст.: В 3 ч. Ч. 1 / Гл. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 38–43.

1. Психоаналитический подход в литературоведении и культурологии

1.1. Формирование проблематики

Постепенное расширение границ психоанализа и его трансформация из терапевтического метода в самостоятельную теорию культуры было обусловлено личностью его создателя. З. Фрейд был не только классически образованным человеком, владеющим широким наследием мировой науки, но и оригинально мыслящим учёным, который свободно ориентировался в пространстве культуры и находил неожиданные параллели между фазами развития индивидуальной психики и особенностями формирования культурных феноменов. Читатели З. Фрейда согласятся, что его произведения не укладываются в рамки строго научных жанров: они предстают в виде своеобразных интеллектуальных историй с нетривиальным сюжетом, парадоксами мысли, динамичным действием, яркой кульминацией и непредсказуемым финалом.

Интеллектуализм работ основоположника психоанализа формировался в соответствующей духовной атмосфере эпохи модерна. Кризис рационализма выражался в философии Ф. Ницше (1844–1900) и новых веяниях модернистского искусства, в интуитивизме и увлечении иррационализмом. Попытки разрешить проблему сложных отношений между различными модусами человеческой жизни и культуры способствовали активному развитию европейской философии, науки, искусства и литературы. Противопоставление витальности и сковывающих витальные импульсы культурных запретов – основная тема эпохи. Представители искусства, писатели и мыслители обращали пристальное внимание на такие феномены психической жизни человека как сновидение, галлюцинация, бред, гипнотизм, экстаз. Культурная жизнь Европы развивалась в динамике напряжения между полюсом декаданса, творческого кризиса и истощенности искусства и полюсом ожидаемых творческих озарений, открытий, прорывов.

Обострённое ощущение новизны, неповторимости происходящего, отражённое в модернистском искусстве, способствовало формированию особого типа исторического самосознания. Вена – город, в котором долгие годы жил и работал З. Фрейд, был в ту эпоху одним из международных центров модернистского искусства. В поисках путей творческого обновления и преображения культуры представители модернизма обращались к доисторическим, первобытным контекстам, связанным с архаической и мифологической символикой, магией и примитивной религией. Миф становился центральной категорией мысли, позволяющей примирить противоречия, выявить новую нерационалистическую картину мира. Модернистская эпоха – не только время многочисленных кризисов, но и период фундаментальных культурных и метафизических открытий в человеческом бытии.

Психоанализ был погружён в культурные контексты модернистской эпохи и проникнут её противоречиями: *природное и культурное, массовое и индивидуальное, рациональное и эмоциональное* — антиномичность указанных категорий стала причиной многочисленных споров, обсуждений, широких теоретических дискуссий в психоаналитическом дискурсе.

Психоаналитическое учение формировалось как опыт преодоления противоречивого состояния европейской культуры.

Начало этому преодолению было положено З. Фрейдом в необычной области – на материале осмысления психических расстройств. Предпринятые врачами Йозефом Брейером (1842–1925) и Жаном Шарко (1825–1893) в 80-х годах XIX века наблюдения *истерии*

показали, что эта болезнь может быть обусловлена психической реальностью, а не иметь прямой связи с физиологическими процессами. Истерия, таким образом, стала явлением, которое требует объяснения без редукции к физиологии. Необходимо было создать особого рода психологические причинно-следственные модели истерической этиологии. В наблюдениях и экспериментах Ж. Шарко З. Фрейд усмотрел возможность зарождения новой науки со своей областью и предметом исследования. Эксперименты нансийской школы гипноза (опыты Амбруаза Огюста Льебо (1823–1904) и Ипполита Бернгейма (1840–1919)), высветили феномен *бессознательного*. Созданная на основе новых данных теория *бессознательного* развивалась З. Фрейдом на протяжении всей жизни, но уже первое определение прозвучало на страницах его знаменитого труда «Толкование сновидений» (1900):

Бессознательное есть истинно реальное психическое, столь же неизвестное нам в своей внутренней сущности, как реальность внешнего мира, и раскрываемое... в той же незначительной степени, как и внешний мир – показаниями наших органов чувств [226, с. 504].

Концепция неосознаваемых человеком процессов, в скрытом виде руководящих его деятельностью и мотивирующих его поступки, а также являющихся источником психических расстройств, вышла за границы терапевтической практики и сместилась в область философии и теории культуры. Однако началом этой концепции был анализ механизмов сновидений (т. е. функционирования онейрической реальности). Сновидение определялось З. Фрейдом как первый продукт взаимодействия человека и культуры: это форма галлюцинаторного удовлетворения архаических желаний, вытесненных реальностью бодрствования в бессознательную сферу. Сновидение (онейрореальность) – результат динамического взаимодействия глубинных мотивов индивидуальной психики и культурной среды.

З. Фрейд впервые предложил отнести к сновидениям как строго детерминированной системе: это совсем не бессмысленный набор случайных образов или результат сбоя работы нервной системы. В сновидениях есть смысл и скрытые намерения. Основной тезис «Толкования сновидений» – книги, с которой началась история психоанализа, – любые феномены психики имеют латентный смысл, выявляемый с помощью интерпретационных приёмов и аналитических техник.

В дальнейшем психоаналитические построения значительно усложнялись. Парадигматической моделью З. Фрейда становится теория «бессознательной памяти», содержания которой стремятся к компенсациям в виде симптомов или к отреагированиям в символических формах. Соответственно в произведениях искусства и литературы, также как в сновидениях, настойчиво проявляют себя следы бессознательных процессов. Способом их толкования З. Фрейд выбирает анализ систем символов и ритуалов. Символы и ритуальные действия сопровождают прорывы бессознательных импульсов в сферу сознания, овладевая ими в симптоматических трансформациях или сублимациях.

Человеческая культура, таким образом, рассматривается, во-первых, как результат этих трансформационных и сублимационных процессов, во-вторых, как форма подавления хаоса бессознательной психической жизни, и, в-третьих, как овеществлённый отпечаток коллективного бессознательного.

З. Фрейд отрицал случайность психических феноменов. Методологический детерминизм психоаналитической системы мысли направлял исследовательский дискурс на поиск интерпретаций и создание сложнейших объяснительных моделей. Психоанализ был обращён к парадоксальным противоречиям, пробелам памяти, несуразностям любого текста и находил уникальные толкования произведений искусства и литературы, религиозных писаний, речей пациентов.

Магистральной тенденцией этих толкований стало использование *метода свободных ассоциаций*, необходимо заполняющих недостающие звенья в цепи логических заключений. Бессознательное рассматривалось в качестве источника абсолютно всех психических процессов, а сознание объявлялось иллюзией рациональности.

Определёнными вехами психолого-культурологических исследований З. Фрейда стали работы «Психопатология обыденной жизни» (1901) [218] и «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) [223]. В этих исследованиях была разработана так называемая психоаналитическая *неврозология*. Невротическая симптоматика была приравнена к образам сновидений и истолкована по тем же объяснительным моделям, что и *онейрические* (сновидческие) комплексы.

Истоки невротических расстройств З. Фрейд относил к ранней, инфантильной фазе жизни пациента. Именно в этот период возникают психические травмы, и происходит вытеснение неразрешённых внутренних конфликтов, которые и формируют психогенную симптоматику.

К фрейдовской неврозологии примыкает концепция инфантильной сексуальности, изложенная в работе «Три очерка по теории сексуальности» (1905) [228] и вызвавшая бурю негодований научной общественности. Сексуальность определялась как тенденция к получению телесного удовольствия. Невроз объявлялся результатом конфликта между желанием удовлетворения и ограничениями, которые накладывает на это желание семья, общество и шире – культура. Необходимо подчеркнуть, что З. Фрейд существенно расширяет понимание сексуальности и включает в эту категорию многочисленные проявления потребности в любви, признании, эмоциональной привязанности. Психическая энергия «либидо», выражающая сексуальное влечение, сближается у З. Фрейда с Эросом Платона (об Эросе у Платона см. [138]).

Теория *Эдипова комплекса* станет парадигмальной в психоаналитическом учении, поскольку именно на её основе будут формироваться главные понятия и категории психоанализа, а также психоаналитические подходы к истолкованию феноменов культуры, произведений искусства и литературы, творческих биографий знаменитых художников.

Амбивалентное отношение ребёнка к своим родителям, согласно теории Эдипова комплекса, является источником внутриличностных противоречий. Древнегреческий миф о царе Эдипе – герое, который, повинуясь злему року, убивает отца и женится на матери, не в силах изменить судьбу, предсказанную прорицателем, – послужит З. Фрейду матрицей для создания объяснительной модели взаимоотношений ребёнка с родителями. Драма Эдипа – в психоаналитическом дискурсе – образец реализации бессознательных желаний и последующего за этой реализацией наказания в форме чувства вины. Теория и клиника Эдипова комплекса окажутся магистральными направлениями в классическом и постклассическом психоанализе, в прикладном психоанализе и в психоаналитически ориентированной культурологии. И. П. Смирнов удивительно тонко почувствовал парадокс этой центральной категории фрейдизма:

Понятие Эдипова комплекса, по-видимому, самое авторитарное среди категорий гуманитарного толка, выработанных в XX в. Примись мы отрицать эдипальность, мы только подтвердим её наличие нашим научным бунтом против родоначальника психоанализа. И наоборот: согласившись с Фрейдом в том, что Эдипов комплекс представляет собой универсалию человеческой психики, мы на собственном примере опровергнем этот тезис, коль скоро откажемся от участия в борьбе с авторитетом [203, с. 83].

Ближайшие ученики З. Фрейда развивают его идеи как в терапевтической области, так и за рамками клинической практики. На первом психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге

(1908) Шандор Ференци (1873–1933) выступает с докладом о проблемах детского воспитания, что послужило началом развитию психоаналитической педагогики. Жёсткие ограничительные схемы воспитания перегружают психику ребёнка патогенными вытеснениями, которые становятся источником тревожности, ипохондрии, страха смерти. Ш. Ференци ставит вопрос о реформе социальных институтов, призванной дать большую свободу реализации детских желаний. Доклад Ш. Ференци был одним из первых публичных выступлений по проблемам распространения психоаналитических знаний и использования психоанализа вне медицинской сферы.

Сам З. Фрейд изложил свои мысли на эту тему в статье «“Культурная” сексуальная мораль и современная нервозность» (1908) [219]. Здесь отмечалась тесная связь между культурой и провоцируемыми ею психическими заболеваниями, а также обращалось внимание на необходимость реформ в сфере сексуальной морали.

Происхождение культуры, как было отмечено, З. Фрейд связывал с необходимостью обуздания и вытеснения архаических влечений. В подавлении сексуальности моральными установками проявляет себя влияние культуры на личность. Подчинение требованиям культуры выполнимо до определённой степени. Но тем не менее человеку свойственно протестовать против этих подавляющих функций – культурные революции происходят именно в силу этой причины. Перечисленные идеи будут развиты З. Фрейдом позднее в работе «Недовольство культурой» (1930) [222].

Немалое значение для формирования психоаналитического подхода к изучению культуры имели работы Карла Густава Юнга (1875–1961) и его знаменитой пациентки и ученицы, россиянки по происхождению, Сабины Николаевны Шпильрейн (1885–1942) [250]. Причём следует подчеркнуть, что влияние С. Н. Шпильрейн и на К. Г. Юнга, и на З. Фрейда было значительным. Идеи её докторской диссертации «О психологическом содержании одного случая шизофрении (*Dementia praecox*)» (1911) [322] и научного исследования «Деструкция как причина становления» (1912) [323; русск. пер.: 252] прямо и косвенно будут использованы в «Метаморфозах и символах либидо» (1912) [266] К. Г. Юнгом и в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) [224] З. Фрейдом. Комплекс идей, представленный в этих трудах, расширил психоаналитический контекст далеко за пределы клинической ситуации – в область мифологии, искусства, художественного творчества (о творческом взаимовлиянии идей С. Н. Шпильрейн, К. Г. Юнга и З. Фрейда см.: А. Carotenuto [278], А. М. Эткин [264]).

Важным открытием К. Г. Юнга стала идея присутствия филогенетических прафантазий в индивидуальной психике. Несмотря на концептуальные расхождения с юнговской аналитической психологией З. Фрейд определённо повторит идею о том, что содержание бессознательного коллективно и является общечеловеческим достоянием в одной из последних своих работ «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939) [229]. Ранние работы К. Г. Юнга, в особенности исследования на основе *ассоциативного эксперимента*, проведённые совместно с Ф. Риклином (1878–1938) в клинике в Бургхольцли, внесли, по признанию З. Фрейда, значительный вклад в формирование научной базы психоанализа. В контексте нашей работы результаты этих исследований чрезвычайно важны, поскольку представляют оригинальную версию научно-экспериментального обоснования процесса *фонетизации образа* в психологии восприятия, коррелирующие со звукографическими концепциями и теорией зауми русских авангардистов.

Повторим, согласно концепции З. Фрейда, культурные феномены находятся в одном ряду с феноменами психики – сновидениями, симптомами, расстройствами речи (*афазиями*), так как они формируются по аналогичным принципам вытеснения и трансформации посредством сублимированной психической энергии.

Одной из первых работ З. Фрейда, в которой психоаналитический метод был использован для анализа произведения искусства и личности художника, было исследование «Леонардо да Винчи. Воспоминания детства» (1910) [230]. В работе была предпринята попытка психоаналитического рассмотрения творчества великого художника сквозь призму его детской фантазии и интерпретации картины «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом». Современные учёные отмечают спорность толкования, предложенного в этом исследовании, дискуссионность подхода и допущенные З. Фрейдом фактические ошибки перевода некоторых ключевых слов анализируемой фантазии (R. Clark [282]), но сама интерпретационная модель, созданная автором замечательного труда, её парадигмальная ясность и структурированность, безусловно, стали основой для дальнейшего развития психоаналитической методологии в культурологических, искусствоведческих, литературоведческих исследованиях.

З. Фрейд обращался к теме художественного творчества достаточно часто: наиболее известными его работами из этой сферы являются «Бред и сновидения в “Градиве” Иенсена» (1907) [220], «“Моисей” Микеланджело» (1914) [217], «Достоевский и отцеубийство» (1928) [232].

Классический психоанализ определяет художественное творчество результатом сублимации и посредством интерпретации показывает, каким образом душевные движения реализуются в произведении искусства. Однако ни сам З. Фрейд, ни ближайшие его ученики и последователи, предлагая вниманию те или иные шокирующие обывателя интерпретации, никогда не были категоричны и не претендовали на их окончательность. Более того, З. Фрейд отвергает всякие попытки понять генезис и суть творческого начала; дар личности был для него необъяснимым феноменом, а вопрос о том, почему тот или другой психический комплекс находит творческое воплощение в искусстве, а не реализацию в невротической симптоматике, оставался для него без ответа. В этом отношении он был солидарен с К. Г. Юнгом, который отрицал возможность понимания искусства для психологических наук.

Парадоксальным образом искусство в психоаналитическом дискурсе оказывается приравненным к симптомам, сновидениям, забываниям, оговоркам и ошибкам речи. Художественное произведение в символической форме выражает определенное состояние психики, поэтому такое сближение, с точки зрения психоанализа, и возможно.

З. Фрейд был замечательным знатоком и почитателем искусства: известно его благоговение перед памятниками искусства Античности и Возрождения, особое отношение к литературной классике. Одновременно с этим учёный отличался весьма настороженным отношением к новаторским формам искусства и даже последовательным неприятием такого авангардного течения как сюрреализм. Французский сюрреалист Андре Бретон (1896–1966), добивавшийся аудиенции со своим кумиром, остался недоволен произошедшей в 1922 г. личной встречей, которая привела к ещё большему взаимному непониманию. Тем не менее состоявшееся в конце жизни З. Фрейда личное знакомство с молодым испанским художником Сальвадором Дали (1904–1989) произвело на основоположника психоанализа неизгладимое впечатление:

Во время беседы художник сделал эскиз портрета Фрейда и произвёл на него такое впечатление, что он даже изменил своё мнение о сюрреализме [123, с. 267].

Произведения искусства, согласно учению З. Фрейда, подобно сновидениям имеют манифестное и латентное содержание. К латентному содержанию относятся так называемые скрытые мысли и мотивы, которые требуют психоаналитической интерпретации с целью выявления целостного смысла произведения.

В основе неосознаваемого мотива творческого акта лежит желание художника заменить неудовлетворяющий его объективный мир собственной психической реальностью.

Подобного рода замена, как убедительно показал З. Фрейд в «Толковании сновидений», происходит во сне. Аналогия между сновидением и художественным произведением приводит к выводу о том, что при создании художественного произведения задействуются те же самые механизмы, что и при формировании сновидения: *сгущение, смещение, символизация* и некоторые другие. Много позднее французский психоаналитик Ж. Лакан (1901–1981) и российский филолог Р. О. Якобсон (1896–1982) будут увлечённо обсуждать методологические и концептуальные возможности, которые даёт теоретическое сближение и сопоставление механизмов сгущения и смещения с принципами построения художественных тропов – метафоры и метонимии.

Тем не менее З. Фрейд определял пределы психоаналитического толкования художественных произведений – те границы, за которые психоаналитический метод проникнуть не может: влечения и их превращение – это последний пункт, доступный психоаналитическому познанию. Природа художественного гения недоступна психоаналитическому пониманию. Таким образом, психоанализ не претендует на объяснение феномена художественного творчества, но предлагает интерпретацию мотивам создания художественного произведения и раскрывает их психоаналитический смысл.

Психоанализ художественного творчества изучает формы катарсического взаимодействия личности с проявлениями творческой активности художника, а также личностные особенности последнего. Катарсис в психоанализе понимается как состояние психологического облегчения, связанного с процессом отреагирования внутреннего напряжения через рецепцию художественного произведения. Исторически понятие катарсиса восходит к античной трагедии и означало, по Аристотелю, «очищение от аффектов» через возбуждение в зрителях сострадания и страха. Художник, испытывая эмоциональное напряжение, способен найти способ неразрушительного избавления от него через создание художественного произведения, которое (и в этом заключается квинтэссенция художественного дара) позволит и другим людям также снимать свой внутренний психологический дискомфорт через восприятие этого произведения.

Психоаналитическим изучением сферы культуры детально, глубоко и серьёзно занимались Г. Сакс (1881–1947) и О. Ранк (1884–1939). О. Ранк обобщил свои идеи в знаменитом труде «Травма рождения и её значение для психоанализа» (1924) [181] – исследовании, которое ученик М. М. Бахтина В. Н. Волошинов в своём не менее знаменитом критическом очерке о фрейдизме («Фрейдизм», 1927) назвал «синтезом фрейдистской философии культуры» [46, с. 142].

Психоаналитический сборник «Имаго», начавший издаваться с 1912 г. в Вене, широко освещал вопросы культуры. Первое издание сборника открывалось введением к первой части работы З. Фрейда «Тотем и табу» (1913) [227]. Редактором «Имаго» стал историк культуры О. Ранк, соредактором – Г. Сакс. Впоследствии венским соредактором «Имаго» был доктор философии Теодор Райх (1888–1969).

Исследовательский труд «Тотем и табу» (1913) – очередной этап формирования психоаналитической теории культуры. С опорой на данные этнографии и антропологии и анализ психологии первобытных народов (Дж. Фрэзер [235], В. Вундт [51]) З. Фрейд создаёт принципиально новую, психоаналитическую концепцию тотемистической религии. Геккелевский закон «онтогенез повторяет филогенез» (книга Э. Геккеля «Решето Вселенной» вышла в свет в 1899) позволяет ему провести знаменитую психоаналитическую параллель «*невротик – ребёнок – дикарь*»:

Таким образом, благодаря этой второй аналогии между дикарём и невротиком мы можем предположить, как много в отношении дикаря к

своему властителю происходит из инфантильной установки ребёнка к отцу [227, с. 52].

Интерес русских авангардистов к творчеству пограничных состояний психики, искусству умалишённых, первобытно-дикарской стихии творчества и наивному творческому поведению детей, безусловно, был неслучаен и имел опосредованную фрейдизмом маркировку.

Исследования в области культуры дают З. Фрейду пищу для размышлений как теоретически обобщающего плана, так и практического терапевтического свойства. Психоаналитическая модель культуры структурируется как система запретов и искупительных ритуалов, предназначенных для снятия страха и нейтрализации чувства вины.

В 1914 г. без указания авторства З. Фрейд публикует в журнале «Имаго» психоаналитический очерк о статуе Моисея, созданной Микеланджело [217]. В этом очерке он развивает идеи, изложенные в книге «Тотем и табу». Скрытой метафорой очерка является отождествление автора с Моисеем – вождём еврейского народа, пророком, освобождающим свой народ от духовного самообмана, осознающим свою избранность и предназначение и одновременно – обречённость. Миссия З. Фрейда – открыть человечеству путь из рабства к внутренней свободе.

Таким образом, с 1913–1914 гг. помимо клинической работы, З. Фрейд непрерывно занимается исследованием взаимоотношений человека и общества. Постепенно его мысль смещается от категорически негативной оценки репрессивных, подавляющих функций культуры к признанию необходимости сдерживающего характера культуры. Исследовательские размышления и выводы З. Фрейда, связанные с психоаналитическим изучением культуры, к середине 1920-х гг. складываются во вполне законченную единую психоаналитическую философию и теорию культуры.

Безусловная ценность фрейдовского учения о культуре многократно подтверждалась специалистами, как сторонниками, так и противниками психоаналитической картины мира (Н. С. Автономова [1, 2], С. Г. Аграчёв [4], А. М. Руткевич [192]). Сами психоаналитики участвовали в дискуссиях о важности прикладного психоанализа [91]. Наиболее значительными работами З. Фрейда в этой области, относящимися к позднему периоду творчества, были, конечно, исследования «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921) [225], «Будущее одной иллюзии» (1927) [221], «Неудовлетворенность культурой» (1929) [222] и «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939) [229].

Психоаналитическое изучение культуры и общества после и параллельно З. Фрейду развивалось в рамках самых разных школ и направлений на Западе и в России.

Аналитическая психология К. Г. Юнга, отделившаяся от психоанализа, разработала особый подход в изучении человека и культуры. В юнгианстве причудливым образом переплелись наука о душе и гуманистика, интерес к религиозной и мистической основам мира и вопросы психопатологии. Основная проблема, которая была поставлена К. Г. Юнгом, – это определение возможности исследования отношения личности к сверхличному, трансперсональному опыту. Попытка решения этой фундаментальной проблемы осуществлялась в трансперсональной терапии Станислава Грофа (род. в 1931 г.) [60; 296], психосинтезе Роберто Ассаджиоли (1888–1974) [10; 11], гуманистической психотерапии Карла Роджерса (1902–1987) [185], в концепции антропологических структур воображаемого Жильбера Дюрана (1921–2012) [287].

Экзистенциализм был одним из первых философских течений XX века, в котором активно использовались психоаналитические идеи. Психоанализ переосмыслился экзистенциалистами с позиций феноменологической методологии. Так, например, Людвиг Бинсвангер (1881–1966) разработал оригинальную версию экзистенциального психоанализа [29] на основе феноменологической антропологии М. Хайдеггера. Сближение психоанализа и

феноменологии Э. Гуссерля привело к появлению экзистенциального психоанализа Ж.-П. Сартра (1905–1980) [196; 124] и Поля Рикёра (1913–2005) [184], вопросы психоаналитической герменевтики изучал Альфред Лоренцер (1922–2002) [136].

Работы Эриха Фромма (1900–1980) [234] дали новый импульс фрейдовскому учению в философии, политике и социальной психологии. Для основателя Франкфуртской школы социологическая проблематика стала главным направлением исследований с 1922 г. В развитие социологического направления психоанализа внесли вклад и другие «неофрейдисты» – Карен Хорни (1885–1952) [239], Гарри Стек Салливан (1892–1949) [195]. В их работах была существенно пересмотрена психоаналитическая теория на основе новейших данных социологии и культурной антропологии.

Сближение психоанализа с марксизмом было осуществлено создателем телесно-ориентированного психоанализа Вильгельмом Райхом (1897–1957) [178]. Теория фрейдомарксизма активно развивалась в 1920-е годы в нашей стране (А. Б. Залкинд (1886–1936)), а также имела продолжение в различных революционных идеологиях XX века (например, у Г. Маркузе (1898–1979) [145; 146]).

Интересная судьба ждала психоаналитическую теорию культуры во Франции. Первыми сторонниками и популяризаторами психоанализа здесь были сюрреалисты, принявшие теорию З. Фрейда в качестве философского обоснования творчества. Именно с сюрреализма началось вхождение психоаналитических идей во французскую культуру.

Созданный сюрреалистами на основе фрейдизма своего рода «альтернативный психоанализ» подразумевал использование глубин бессознательного в творческих целях. А. Бретон разрабатывает метод «автоматического письма», аналогичный методу свободных ассоциаций К. Г. Юнга и З. Фрейда и имеющий очевидную связь с психиатрическим понятием «автоматизм» (П. Жане, Г. де Клерамбо, Р. де Фюрсак)².

Знаменитый сюрреалистический текст «Магнитные поля» (1919) [35] был создан, по свидетельству А. Бретона и Ф. Супо, как запись произвольных ассоциаций, возникающих со скоростью мысли.

Диссертация «О паранойальном психозе в его отношении к личности» Жака Лакана, ставшего впоследствии знаменитым психоаналитиком, была опубликована в первом номере сюрреалистического журнала «Минотавр»³, в 1933 году. Многие его открытия поначалу вызывают интерес именно у представителей авангарда. Сюрреалисты привлекают Ж. Лакана к совместной работе над журналом «Минотавр». Интерес сюрреалистов к современной науке, к феномену бессознательного, осмысляемого в психоаналитических категориях, объединил лакановскую мысль и сюрреалистическое экспериментальное творчество [139].

Близость психоанализа и авангарда, действительно, характерна и для русской культуры XX века. Рецепция психоанализа в России была не менее сложна и разнообразна, чем на Западе. Культура Серебряного века проявляла предельную восприимчивость к новаторским идеям и веяниям эпохи европейского модернизма.

Многие направления и стили, возникшие в искусстве Западной Европы, получили самое неожиданное преломление в творческой практике отечественных художников. История авангарда и история психоанализа в России – яркий пример такой специфической рецепции модернистского комплекса идей в контексте русской культуры.

Художественные концепции импрессионизма и экспрессионизма, кубофутуризма, дадаизма и сюрреализма и многих других авангардных направлений искусства стали

² Об этом см. главу «Работа с “Минотавром”» в книге В. А. Мазина «Введение в Лакана» [139].

³ Articles from *Le Minotaure*: The Problem of Style and the Psychiatric Conception of Paranoid Forms of Experience and Motives of Paranoid Crime: The Crime of the Papin Sisters / Transl. by Jon Anderson // *Critical Texts*. V. 5, issue 3. 1988.

активно развиваться талантливыми представителями русской авангардной культуры этой эпохи, часто трансформируясь до неузнаваемости в их теориях, декларациях, манифестах, а самое важное – непосредственно в экспериментальной художественной практике. Психоанализ, нашедший плодотворную почву для своих идей не только в научной сфере и в области психотерапевтической практики отечественных врачей-психиатров, но и в оригинальной философии, эстетике и поэтике русского авангарда, также получил своеобразную модификацию.

Культура Серебряного века – явление многомерное и противоречивое. Наряду с обусловленными предшествующей культурной традицией направлениями и течениями, в литературе и искусстве этой эпохи появляются и активно развиваются группы, объединения и творческие союзы, которые манифестируют радикальный отказ от традиционно сложившихся художественных и эстетических принципов. Авангардные направления и течения возникают в русской литературе как реакция на весь предшествующий опыт культуры. С начала XX века и включительно до 1930-х годов в России существовало большое количество объединений и групп, которые декларировали различные, часто противоположные и внутренне противоречивые программы: *эгофутуристы*, *кубофутуристы*, *заумники*, *имажинисты*, *биокосмисты*, *экспрессионисты*, *ничеговики*, *конструктивисты*, *обэриуты* и другие (см.: А. В. Крусанов [109–111]). Однако все они, безусловно, объединялись общей идеей экспериментаторского радикализма. Общим был, как уже отмечено, и пафос отрицания любых форм классической литературной традиции, её риторических правил, канонов и эстетических принципов.

Новая эстетика отрицала нормы классической рациональности в искусстве, что, безусловно, сближало её с психоаналитическим дискурсом, в рамках которого также происходила своего рода деконструкция классической декартовской рационалистической модели человеческого сознания.

Следует отметить, что русский авангард вполне вписывается в общеевропейские тенденции экспериментального искусства XX века. (Но это отнюдь не означает его несамостоятельности.) Авангард в европейском искусстве характеризовался новаторским поиском формальных средств и приёмов самовыражения художника. Эти поиски также сопровождалось тотальным отрицанием официального искусства, религиозно-нравственных и идеологических норм, норм социального поведения.

Авангардисты противопоставляли жизненно-практическим стереотипам западной цивилизации идеалы анархически раскрепощённого творчества – вне академических условностей традиционного искусства. Для них были неприемлемы не только реалистически-натуралистические принципы эстетики XIX века, но даже и сама аристотелевская теория искусства, являвшаяся одной из основ европейской классической художественной традиции.

В арсенал новых художественных средств авангардистов входят приёмы деформации образа, сознательного нарушения языковых норм, законов повествования и т. д. Эстетика «перформативного» преобразования действительности находит своё выражение в эпатажных акциях, скандальных высказываниях и манифестах.

Идеи З. Фрейда были широко и оригинально восприняты русскими авангардистами, чему способствовал и соответствующий культурфилософский контекст Серебряного века [261].

Романтизация любви и смерти, Эроса и Танатоса, «метафизика пола» – темы, характерные для авторов этой эпохи. «Философия пола» становилась объектом исследовательского интереса даже в трудах русских религиозных мыслителей [263].

Миф о проточеловеке-андрогине, известный ещё Платону, в русской модернистской культуре обретает своё новое измерение именно в контексте философии пола. В. С.

Соловьёв, оказавший идейное влияние на всю эпоху, посвятил этой теме труд «Смысл любви» (1892–1893), в котором указал на теснейшую метафизическую связь любви и смерти, что во многом предвосхитило психоаналитическую концепцию Эроса и Танатоса, а также учение российской последовательницы З. Фрейда Лу (Луизы Густавовны) Андреас-Саломе (1861–1937) [140].

Безусловное влияние философских идей В. С. Соловьёва на психоаналитическую концепцию другой россиянки – Сабины Николаевны Шпильрейн (1885–1942) – отмечают многие современные историки психоанализа [163; 187]. Так, Д. С. Рождественский подчёркивает:

Сверхчеловек Соловьёва, победивший Смерть, не нуждается в объекте (партнере) для воспроизводства самого себя: он сам субъект и объект в одном лице. Это непрестанное самовозрождение, сочетание мужского и женского, стирание границ меж собой и объектом – обязательные черты представлений философов о Сверхчеловеке и богоподобии: они присутствуют и в трудах Ницше, и в образе бога Диониса у Вячеслава Иванова, чья религия – нераздельное слияние со Внешним, неприятие телесно-психических границ своего Я. Позднее взгляды Соловьёва нашли продолжение в трудах Сабины Шпильрейн, описавшей возрождение через умирание как универсальный закон жизни [187, с. 50].

«Русским Фрейдом» иногда называют философа В. В. Розанова, для которого значение пола было мистико-метафизическим: «Связь пола с Богом, – отмечал русский мыслитель, – большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, – выступает из того, что все а-сексуалисты обнаруживают себя и а-теистами» [188, с. 94]. (Этой теме посвящена интересная работа Е. В. Белокосковой «З. Фрейд и В. Розанов. Два взгляда на сексуальность» [24].)

В сочинении русского философа Б. П. Вышеславцева (1877–1954) «Этика преображённого Эроса» (1931) [54], созданного под влиянием психоаналитического учения и личного знакомства с К. Г. Юнгом, была исследована традиционная для русской философии тема противостояния этики долга и этики творчества с учётом открытий З. Фрейда.

Психоаналитические идеи в России очень быстро завоевали умы русских мыслителей и стали важной частью духовной жизни интеллигенции. С 1904 г., после переиздания на русском языке работы З. Фрейда «О сновидениях» («Толкование сновидений»), интерес к психоанализу в обществе был крайне высок. На русском языке выходили труды не только З. Фрейда, но и Карла Абрахама, Альфреда Адлера, Отто Ранка, Ганса Сакса, Вильгельма Штекеля. Это дало З. Фрейду повод написать К. Г. Юнгу в 1912 году: «В России началась <... > подлинная эпидемия психоанализа» [293, р. 263]. Однако по-настоящему широкую известность фрейдизм стал приобретать в России с 1907 года благодаря популяризаторским усилиям русских врачей, в частности Н. Е. Осипова (1877–1934). (Н. Е. Осипов указывал, что именно ему принадлежала честь открытия и популяризации фрейдистского учения в России, одновременно отмечая, что до 1907 г. труды З. Фрейда не были широко известны в нашей стране.)

Культурная и интеллектуальная жизнь России в 1920-е годы развивалась под влиянием авангарда и психоанализа. В первое послереволюционное десятилетие они вполне могли стать частью официальной идеологии советского государства. Однако в результате политизированного противостояния представителей радикального и консервативного лагерей революционной интеллигенции авангард и психоанализ оказались под идеологическим запретом.

Л. Д. Троцкий (1879–1940) – лидер радикально настроенных революционных идеологов – оказывал всестороннюю поддержку психоанализу и немало способствовал его инсти-

туализации в стране. Автору знаменитой работы «Литература и революция» (1923) [210] были идеологически близки и понятны авангардистские идеи жизнотворчества, переустройства мира и воспитания нового человека.

Наряду с концепцией перманентной революции Л. Д. Троцкий разрабатывал свою теорию создания «нового человека», истоком которой, безусловно, была ницшеанская идея «сверхчеловека» будущего. Для советского государства проблема формирования «новых людей» была одной из самых насущных. С точки зрения Л. Д. Троцкого, научной основой решения этой проблемы должны были стать идеи З. Фрейда, изучавшего особенности формирования детской психики, и русского физиолога И. П. Павлова (1849–1936), создавшего материалистическое учение о высшей нервной деятельности, исследовавшего психическую деятельность на основе физиологических процессов. Творчески соединить психоаналитическую и физиологическую концепции, согласно Л. Д. Троцкому, вполне по силам представителям революционного искусства – создателям новой авангардной эстетики.

Действительно, творчество представителей авангардного искусства предполагало практическую реализацию революционного антропологического проекта и имело в этом отношении не меньшее значение. В 1920-е годы происходила институционализация психоанализа в России: были созданы и активно поддерживались «Русское психоаналитическое общество», «Государственный психоаналитический институт», «Психоаналитический детский дом» (предназначенный для воспитания детей из семей высших партийных функционеров). На основе дискуссий вокруг психоанализа возникла «педология» – наука о воспитании «нового массового человека». Однако внутрипартийная борьба между сторонниками идеологического проекта Л. Д. Троцкого и консервативно-прагматического политического курса И. В. Сталина оказалась неравной. В 1930-е годы и психоанализ, и педология подверглись резкой критике, которая завершилась постановлением ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Идея мировой «перманентной революции», пропагандистом которой был Л. Д. Троцкий, была отвергнута официальной идеологией Советской России, вставшей на путь превращения в мировую сверхдержаву. Одновременно закончился в нашей стране первый этап истории как фрейдизма, так и авангарда⁴.

Итак, психоанализ, появившись на рубеже XIX и XX веков как новый психотерапевтический метод, разработал свою общепсихологическую теорию личности, развивавшуюся на протяжении многих десятилетий. Однако одновременно с формированием опыта клинического применения психоаналитических методов складывалась оригинальная стратегия использования психоанализа по отношению к различным сферам культуры – антропологии, этнографии, мифологии, религии, педагогики, политики, искусства, литературы. До сегодняшнего дня психоанализ сохранил значение и в качестве психотерапевтической практики, и как культурологическая концепция. Накопленный на протяжении целого столетия клинический опыт убедительно доказывает его эффективность при терапии как невротических, так и глубоких личностных расстройств. Кроме того, для многих полноценных личностей психоанализ становится необходимым средством самопознания, способствующим формированию здоровых адаптационных форм реакции на стрессовые ситуации и кризисы современного мира.

Трансформация психоанализа в истории культуры XX века вывела его на одну из важнейших позиций гуманитарной методологии в мировой науке.

Выражая стремление современного человека к познанию особенностей индивидуальной психической жизни и массовых психических процессов, психоанализ является самостоятельным феноменом европейской культуры. Психоанализ стал в XX веке важнейшей составляющей современной системы знаний о человеческой культуре и обществе.

⁴ См. на эту тему главу «Фрейд и русский авангард» в монографии А. С. Шалыгина [241].

З. Фрейд был хорошо известен в России в 1910-1920-е годы. (Следует отметить, что именно на русском языке появились первые в мире переводы на *иностраный язык* его трудов.) Одной из наиболее популярных работ З. Фрейда в России, было исследование «Психопатология обыденной жизни» (1901) [218], представлявшее психоаналитическое объяснение феноменов ошибочных действий, оговорок, описок, забывания и сновидений, т. е. психоаналитическую теорию парапраксиса. Учёный связывал эти феномены с действием бессознательных импульсов, которые являются подлинными причинами ряда психоневротических состояний человека, а также обуславливают немотивированные с рациональной точки зрения проявления здоровой человеческой психики, воспринимающиеся обыденным сознанием как необъяснимые. З. Фрейд рассматривал наряду с психоневротическими симптомами (такими как навязчивые мысли и действия, забывание, т. е. то, что в современном психоанализе называют *компульсивно-обсессивным расстройством*) ошибки, оговорки, описки и т. п. в качестве результата действия неосознаваемых импульсов вытесненных в сферу бессознательного и реактуализированных влечений, прежде всего, сексуального характера.

Художественное творчество, с психоаналитической точки зрения, – особая форма репрезентации вытесненных влечений, часто неосознаваемая самим творцом, но настойчиво заявляющая о своём присутствии в виде многочисленных особенностей – от сюжетных линий литературных произведений и характерологических черт персонажей до специфической образности, граничащей с онейрической или психопатологической реальностью фактического автора. Описанная З. Фрейдом сфера психопатологии творчества вызывала обострённый интерес русских авангардистов, а сам фрейдизм, безусловно, оказал влияние на авангардистскую эстетику и поэтику.

1.2. Современные исследования

Замечательный труд А. М. Эткинды «Эрос невозможного. История психоанализа в России» (1993) [261] проливает свет на историю восприятия фрейдизма русской культурой Серебряного века.

В работе освещены ранее неизвестные широкому читателю контексты, связанные с глубоким интересом к идеям психоанализа, проявленным выдающимися отечественными культурными и общественными деятелями модернистской эпохи, профессиональными революционерами и политиками.

В этом и других исследованиях А. М. Эткинды проведено всеохватное изучение истории восприятия психоаналитических идей русской культурой [262–264]. Учёный охарактеризовал противоречивое отношение к психоанализу А. Белого, подробно рассказал об увлечении психоанализом М. М. Зощенко, прокомментировал в психоаналитическом контексте литературоведческие работы М. М. Бахтина, который, по словам исследователя, «всю свою долгую жизнь продолжал явный или неявный диалог с Фрейдом» [261, с. 8]. А. М. Эткиндой собран богатый фактографический материал, позволяющий проследить основные этапы истории развития психоанализа в России и познакомиться с биографиями наиболее видных деятелей отечественного психоаналитического движения.

Не менее важными и основательными работами, затрагивающими различные аспекты названной темы, являются труды В. И. Овчаренко [158–163], В. М. Лейбина [125–131], А. И. Белкина [22; 23], А. В. Литвинова [134; 135] и некоторых других авторов. Безусловно, значимым событием в изучении вопроса стало издание В. И. Овчаренко антологии «Российские психоаналитики» [160], содержащей биографические и библиографические сведения о персоналиях российского психоанализа. В книге опубликованы уникальные энциклопедические статьи о жизни и творчестве более двухсот российских психоаналитиков, а также учёных и деятелей культуры, причастных к развитию комплекса психоаналитических представлений, отечественной психоаналитической традиции и психоаналитической проблематики.

В рамках нашей темы особый интерес представляют исследования, использующие психоаналитический подход к изучению литературного творчества (так называемое психоаналитическое литературоведение), сформировавшийся в XX веке на границе клинической психологии и литературоведения в ряду прикладных гуманитарных дисциплин.

Грэм Фрэнкленд (Graham Frankland) [291] описал парадоксальный характер современного прикладного психоанализа и психоаналитического литературоведения. С одной стороны, научное сообщество ставит под сомнение «естественнонаучную репутацию» З. Фрейда, позиционировавшего свой метод как терапевтический (З. Фрейд, безусловно, относил себя к представителям естественных наук и лишь изредка практиковал психоаналитический метод в жанре литературоведческого исследования). Но именно привлекательность его литературоведческих опытов сделала психоанализ популярным. С другой стороны, современные литературные критики проявляют неизменный интерес именно к тем текстам З. Фрейда, в которых автор не касается непосредственно вопросов литературы [291, р. 117].

Действительно, принадлежащие З. Фрейду психоаналитические интерпретации известных литературных произведений ставились под сомнение как современниками, так и более поздними оппонентами его учения. Да, и сам З. Фрейд не устал подчёркивать намеренно односторонний и гипотетический характер своих интерпретаций произведений мировой литературы и искусства. Так или иначе, психоаналитическое направление в литературоведении сложилось не без влияния работ З. Фрейда. Чрезвычайно мощной эта лите-

ратуроведческая школа была в России в начале XX века. Однако Россия в силу исторических причин освоила психоанализ в гораздо меньшей степени, чем Западная Европа и США. Только в 1990-е годы психоанализ после долгого периода забвения вернулся в социокультурный и научно-образовательный контекст: стали возрождаться психоаналитические институты; переиздаются классические психоаналитические труды; появляются периодические издания психоаналитической направленности и популярная справочная, а также переводная литература, которая знакомит читателя с основами психоаналитической теории.

Тем не менее авторы и составители новейших учебных пособий по теории литературы и истории литературной критики часто игнорируют факт существования в России школы психоаналитического литературоведения. При всём том, что психоаналитические интерпретации произведений русской литературы, созданные в эпоху Серебряного века, часто отличаются односторонностью и тенденциозной категоричностью, они уже стали фактом истории отечественной литературной критики и литературоведения. Современное фундаментальное изучение психоаналитического дискурса отечественной культуры 1920-х годов позволит сделать необходимые концептуальные обобщения и выводы, а также, согласимся с современным учёным Н. И. Прохоровой, «будет способствовать сокращению объема литературоведческих работ, ссылаясь на которые можно лишь как на научный курьёз» [175, с. 9].

Многостраничная монография американского учёного-слависта Д. Ранкур-Лаферьера «Русская литература и психоанализ» (2004) [183], объединившая в своём составе многолетние исследования автора по указанной теме, является незаменимым подспорьем для современных учёных, занимающихся изучением проблематики взаимодействия психоанализа и русской литературы. В книгу вошли работы, посвященные произведениям русской классической литературы – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. И. Солженицына. Литературоведческий анализ проведён с использованием методов классического и неклассического психоанализа (М. Кляйн, Д.-В. Винникот, Х. Кохут, М. Малер, Дж. Боулби и др.). Выводы и наблюдения учёного дают богатую пищу для размышлений, расширяют интерпретационные горизонты восприятия хрестоматийных литературных персонажей, таких как Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Пьер Безухов и многие другие. В методологических разделах исследования дана характеристика развития психоаналитического литературоведения на Западе. Особый интерес в составе этого труда для нас представляет исследовательская работа, посвящённая психоаналитической интерпретации понятия «остранения» формалистов и приёма «затруднённой формы», детально обобранные в ранних статьях В. Б. Шкловского. В дальнейшем мы остановимся на этой теме.

Другой американский учёный Мартин Миллер (Martin Miller) в одной из глав монографии «Фрейд и большевики» целенаправленно исследовал историю российского психоаналитического литературоведения [311]. Работу следует отнести к категории пионерских, так как в исследовании впервые специально затронута тема взаимодействия советской идеологии и фрейдизма в историческом контексте и обозначается сама проблема, требующая дальнейших научных решений. Разработка этого направления, привлечение к анализу архивных материалов и источников, безусловно, крайне актуальны для современной гуманитарной науки.

Кандидатская диссертация отечественного специалиста Н. И. Прохоровой «Влияние психоанализа на русское литературоведение и литературную критику 1920-х годов» является в определённом отношении работой обобщающего плана [175]. В исследовании представлена подробная характеристика влияния психоаналитической концепции на русскую литературную критику и литературоведение 1920-х годов. Исследователь успешно решает ряд, безусловно, важных задач. В работе определён круг источников, отражающих специфику русской литературной критики, связанной с психоанализом; исследованы основные черты истории отечественного психоанализа как части культурного контекста России 1920-х

годов; раскрыто содержание оригинальных авторских терминов, а также специальных понятий, заимствованных русскими психоаналитиками из тезауруса клинического психоанализа. Методология отечественных психоаналитиков соотнесена с методологическим инструментарием западной психоаналитической традиции; описаны и систематизированы специфические методы и приемы психоаналитической интерпретации художественного текста, разработанные и применяемые русскими психоаналитиками 1920-х годов.

Современный диалог с З. Фрейдом в литературоведении сохраняет изначальную неоднозначность. В постструктуралистски ориентированных трудах переосмысливаются методы классического психоанализа, рассматриваются явления наррации, поэтики и интертекстуальных зависимостей.

Интересное преломление классическая и постклассическая психоаналитическая теория получила у российских учёных – в технике антропологического анализа словесной культуры В. А. Подороги [169–171], в «психоисторических» построениях литературы И. П. Смирнова [203], в психосемиотических исследованиях В. П. Руднева [191].

В. А. Подорога предпринял попытку современного философского осмысления психоанализа как антропологической теории, оказавшей исключительное влияние на европейскую культуру в XX веке. Ему принадлежит концептуальное рассмотрение поэтики абсурда обэриутов и ряда метафизических трактатов авторов, примыкавших к ОБЭРИУ – Л. С. Липавского, Я. С. Друскина. Феноменологический анализ обэриутских произведений, развёрнутый в контексте антропологической проблематики, приводит В. А. Подорогу к заключению об автокоммуникативном характере поэтики авторов этой группы [171].

И. П. Смирнов разработал критерии, позволяющие создать психоисторическое описание литературного процесса с использованием психоаналитической парадигмы. Методологически эти критерии восходят к фрейдовской теории психосексуального развития человека и сопутствующим ей психоаналитическим понятиям (Эдипов комплекс и комплекс кастрации), патографическим категориям (истерия, садизм, мазохизм и другие). В своей работе учёный предлагает уникальный синтез психоанализа, логики и истории культуры, основанием которого служит общий для этих дисциплин принцип – принцип замещения. И. П. Смирнов рассматривает психизм в качестве замещения действительно существующего мира воображаемым, а литературу как своего рода отражение субъективно желаемого мира автора, вытесненного в область бессознательного. В работе «Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» [203] автор справедливо отмечает:

Ничто не запечатлевает психику с той же отчётливостью, как литература (искусство). В литературе воображение (психизм) не считается с эмпирикой, историзируя её. Искусство – локомотив истории. Постмодернизм выдвинул тезис о том, что психоанализ Фрейда был заражён литературностью <...>. Правильно было бы, однако, сказать, что исследовательским материалом Фрейда являлось воображаемое, конституирующее психизм и позволяющее каждому из нас наслаждаться произведениями искусства, в которых мир субъекта преподносится в качестве объективно данного (т. е. удовлетворяющего наше желание). Конечно же, фрейдизм требует корректировки. Но он вовсе не фантастическая наука, а наука о фантазии. Не будь наша повседневная жизнь проникнута фантазией, не существовало бы и литературы. Фрейд не олитературил человеческую психику, – он понял её – вполне адекватно ей – как креативную силу, выражающую себя также в литературе. Проблемы, которые поставил Фрейд, нельзя обойти, отбросить. В тоже время каждый

волен решать их по-своему, в духе истории: по праву стремления к власти, к свободе, к историческому бытию [203, с. 11].

Психоистория культуры, по И. П. Смирнову, взятая в хронологических границах от XIX до XX в., выявляет для каждой эпохи характерный доминирующий психотип и логическую операцию, которая впоследствии становится целой системой. Аналитическое изучение таких психотипов учёный начинает с романтизма, уделяя особое внимание в работе рассмотрению творчества А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя.

В романтизме, согласно И. П. Смирнову, доминирует иррефлексивный субъект, совершающий попытки постижения мирового смысла, что соответствует кастрационному характеру:

Кастрационный комплекс предполагает, что подчинённый ему субъект ощущает одновременно как причастность, так и непричастность к своему полу. Субъект тождествен и нетождествен себе, т. е. иррефлексивен, говоря на языке логики. Кастрационный страх позволяет нам выработать одну из фундаментальных логических категорий – идею иррефлексивности. Именно поэтому мы обязаны признать кастрационную фазу в развитии ребёнка обязательной ступенью на пути восхождения к тому, что свойственно всем людям, – к нашей способности проводить простейшие умственные операции. Помехи, нарушающие развитие кастрационных фантазий, создают патологию (= нежелание индивида меняться во времени, осуществляя самоотрицание), которая и в этом, и в других случаях есть не что иное, как пато-логика [203, с. 18].

Кастрационную проблематику учёный усматривает в европейской культуре, начиная с мифа об оскотлении Кроносом Урана, и вплоть до искусства XX века. Однако в истории европейской культуры, отмечает И. П. Смирнов,

... есть период, когда кастрационный комплекс проявил себя не просто в отдельных текстах, но и во всей культурной жизни. Мы считаем, что культура конца XVIII – первых трёх десятилетий XIX вв., условно называемая романтизмом, была создана личностями, фиксированными на кастрационном страхе, пережившими по тем или иным причинам его вторичную актуализацию [203, с. 21].

В эпоху реализма, согласно мысли учёного, доминирует эдипальная тенденция: «реалистический герой» всегда вступает в Эдипов конфликт с реальностью, его субъективная связь с миром крепка.

Интеллектуальная культура Серебряного века (в частности, в своей символистской ипостаси) представлена у И. П. Смирнова как истерическая, потому что её доминирующим психотипом является субъект, находящийся в поисках и не находящий объекта.

Отрицающий объективную реальность психотип свойствен авангарду, поэтому новаторское искусство исследователь ассоциирует с агрессивными (садомазохистскими) тенденциями, направленными на разрушение объекта и субъекта.

Наконец, постмодернизм И. П. Смирнов вслед за К. Лэшем (C. Lasch) [306], А. Лоуэном (A. Lowen) [308], Л. Хатчен (L. Hutcheon) [298] трактует как воплощение нарциссического и шизоидного психотипов, стремящихся к взаимному слиянию. Таким образом, в постмодернистской литературе устанавливается субъект-объектное недифференцированное, заново обретаемое равновесие.

И. П. Смирнов формулирует рабочую гипотезу об обратном соответствии филогенеза онтогенезу. Историческая последовательность эпох и психотипов (филогенез куль-

туры) находится в обратном отношении к онтогенезу отдельной личности. Развитие культуры проходит те же фазы развития, что и человек, только в обратном порядке. Так, согласно теории психосексуального развития З. Фрейда, 1) первичный нарциссизм соединяется впоследствии с шизоидностью, затем наступает 2) садомазохистский период, который характеризуется первоначальным самоотрицанием и впоследствии нигилистическим отвержением всего мира. Наконец, последовательно сменяют друг друга 3) истерико-обсессивная, 4) эдипальная и 5) кастрационная фазы. В истории литературы этим фазам психического развития человека соответствуют следующие друг за другом, с конца к началу, художественные направления: 1) постмодернизм, 2) авангард, 3) символизм, 4) реализм и 5) романтизм. Таким образом, литературный процесс предстаёт как отражение истории психизма:

Как история, культура представляет собой дегенерирующий онтогенез, обратность личностного становления [203, с. 351].

Сформулированную И. П. Смирновым закономерность можно представить в виде таблицы:

<i>Фазы онтогенеза</i>	<i>Литературные направления и эпохи (филогенез культуры)</i>
первичный нарциссизм	постмодернизм
садомазохистская фаза	авангард
истерико-обсессивная фаза	символизм
эдипальная фаза	реализм
кастрационная фаза	романтизм

Нетрудно заметить, что при определении психотипа литературной эпохи И. П. Смирнов ориентируется на принцип субъект-объектной организации литературного дискурса. Разный тип взаимодействия между субъектом и объектом отражает особенности психосексуальных фаз в развитии человека. Достоинством рассматриваемого труда является чёткая дифференциация этих фаз и основанная на ней психодиахронологическая концепция развития литературы. Возможно, упущением работы является отсутствие развёрнутых культурологических обобщений, а также стремление автора привести рассматриваемый им обширный литературный материал в соответствие с заранее подготовленной концептуальной схемой. В. П. Раков вполне справедливо сетует на этот факт в замечательном труде «Меон и стиль» (2010) [180], находя в данном обстоятельстве методологическую проблему современного литературоведения в целом:

Наука о литературе последних десятилетий переживает процесс дефинитивной экспансии со стороны естественнонаучных дисциплин. Кажется, тут нет ничего предосудительного: мы ведь плюралисты. Однако часто эта языковая агрессия превращает литературоведение в некий симулякр, лишённый, наряду с прочим, признаков эстетизма. Так, например, в далеко не худшей на этот счёт книге лирика русского романтизма рассматривается не в богатейших спектрах интуитивного, сакрализованного, музыкального, собственно поэтического, личностного переживания, а в контексте, видите ли, «кастрационного комплекса» и ему подобной интертекстуальности... Пуризм – не наш идеал, но всё-таки заметим, что познавательные-методологические ресурсы

классического литературоведения и рядом стоящей с ним эстетики остаются неисчерпанными. Они могли бы служить прочной, а главное – плодотворной защитой от давления способов мышления, инородных филологии. Пока же ясно: неумеренная симпатия наших коллег к понятийным и языковым заимствованиям из сферы иных наук указывает на то печальное обстоятельство, что литературоведение не всегда оказывается способным органично переваривать клишированный аппарат других отраслей знания и тем самым заводит себя в тупик. Ведь «магия» избранного им языка имеет свою логику, побуждающую специалиста-филолога не исследовать текст, а иллюстрировать его материалами какую-либо из заранее принятых идей. Поэтому и получается, что в художественных шедеврах усматривают всё, что угодно, начиная от «комплексов» З. Фрейда и кончая признаками маниакальности, шизофрении и разнообразных фобий [180, с. 361–362].

Мы не будем столь категоричны в оценке эвристически продуктивного исследования И. П. Смирнова, но указанный выше методологический упрёк, безусловно, принимаем к сведению и учитываем в своей работе (в которой, так или иначе, поставлены иные, не «психодиагностические», задачи).

Психоаналитический подход к изучению истории русской литературы декларируется и частично используется в работах В. П. Руднева (сам учёный называет свой подход «психосемиотическим»). В исследовании «Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология» [191] рассматриваются психические особенности авторов в метапсихологическом аспекте с использованием метода патографии, т. е. «изучения того, как особенности психопатологии отражены в тексте – в данном случае в художественном тексте, или дискурсе» [191, с. 6].

Концепция работы В. П. Руднева заключается в том, что между творческой личностью, обладающей определённым психическим складом (циклоидный, эпилептоидный, истерический, психастенический, ананкастический, шизоидный) и реальностью выстраивается механизм защиты (вытеснение, изоляция, отрицание, интроекция, проекция и идентификация), который искажает воспринимаемую действительность, но в результате этого адаптирует личность к жизненным обстоятельствам. Изучение таких механизмов в качестве феноменов, представленных в литературных произведениях, – основная исследовательская задача учёного.

В. П. Руднев проводит типологизацию литературного процесса, выделяя в нём стадии, каждая из которых определяется параноидальной, либо депрессивной, установкой. Шесть механизмов защиты могут трансформироваться сообразно этим установкам:

Каждый тип душевного расстройства <...> выстраивает свою модель мира <...>. С этой точки зрения в книге противопоставляются два типа психических расстройств, в первом из которых – паранойе – мир предстает как повышено знаковый, полный тайных смыслов, во втором – депрессии – мир, напротив, утрачивает знаковость и теряет какой бы то ни было смысл [191, с. 6].

В истории литературы, по В. П. Рудневу, эти стадии чередуются. Литературный процесс, таким образом, изучается не столько психоаналитически, сколько в психиатрическом ракурсе. Может создаться впечатление, что литературные произведения выступают только лишь в качестве иллюстрации для изучения психиатрических диагнозов [321].

Уникальный исследовательский опыт использования психоаналитической методологии в целях изучения культурных феноменов представлен в работах современного автора

Е. В. Улыбиной. Так, в исследовании «Страх и смерть желания» (М., 2003) [214] рассматривается процесс трансформации концепта *желание* в историко-культурном пространстве.

С психоаналитической точки зрения, приближенной к теории Ж. Лакана, Е. В. Улыбина рассматривает ряд произведений отечественной и мировой литературы (классической и современной). В этом же контексте теория психоанализа соотнесена с известным направлением отечественной психологии, представленным именами Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. Возможность такого сопоставления объясняется автором общей для этих направлений психологической мысли проблемой знакового опосредования сознания.

Особый интерес в контексте нашей темы представляет сопоставление концепции «чужого слова», теории диалога и понятия карнавализации у М. М. Бахтина с психоаналитическими идеями Ж. Лакана. Е. В. Улыбина находит буквальные совпадения и указывает на принципиальные различия между парадигмами двух учёных. Исследователь описывает и анализирует варианты отношений между желанием и словом, субъектом и культурой, воспроизводящие различные формы функционирования сознания, разные степени утраты субъекта. На основе сравнительного анализа делается вывод о свойственной современной культуре тенденции к инцестуозной деформации (в частности, в феномене рекламы), которая объясняется подвижным характером парадигмальных связей между субъектом и объектом.

Мы охарактеризовали наиболее важные в ракурсе заявленной исследовательской проблематики работы зарубежных и отечественных специалистов. Вне нашего рассмотрения осталось достаточно большое число работ, связанных в той или иной степени с темой взаимодействия психоанализа и литературы в контексте культуры XX века или затрагивающих методологические проблемы психоаналитического подхода к анализу феноменов искусства и литературы.

Однако такой аспект темы взаимодействия психоанализа и словесной культуры в России как интерференция дискурсов психоанализа и русского литературного авангарда авторы как всех перечисленных работ, так и работ, по понятным причинам не вошедших в наш краткий обзор, не рассматривают либо затрагивают эпизодически.

2. Серебряный век в истории отечественного психоанализа

В начале XX века психоанализ овладевал умами как российской интеллигенции, так и представителей авангарда. В России появились психоаналитические школы, санатории и лечебницы, в которых практиковали новый метод терапии, стали выпускаться журналы о психоанализе. Уже к 1920-м гг. в стране сложилась оригинальная традиция фрейдовского учения. Из психиатрической и медицинской сферы психоанализ проник и в литературоведческую область. Исследователи активно начали изучение художественных произведений с психоаналитической точки зрения (работы И. Д. Ермакова [72–75], А. Кашиной-Евреиновой [100], Н. Е. Осипова [165–167], С. Н. Шпильрейн [249] и многих других авторов (см., например, [101])). Представители литературного сословия – писатели и поэты – проявляли не меньший интерес к психоанализу и вопросам пола. В известном критическом очерке о фрейдизме ученик М. М. Бахтина В. Н. Волошинов в 1925 году отмечал:

Всякий, желающий глубже понять духовное лицо современной Европы, не может пройти мимо психоанализа, он стал слишком характерной, неизгладимой чертой современности [46, с. 89].

Психоаналитическое учение З. Фрейда получило своеобразное преломление в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. Отечественная культура, искусство и литература этой эпохи были погружены в мистику и метафизику пола. В творчестве русских писателей, поэтов, художников и музыкантов романтические мотивы любви и смерти причудливо объединялись с мистической эротикой декаданса и натуралистическими представлениями первых русских фрейдистов. Русские религиозные мыслители проявляли неподдельный интерес как к метафизике пола (упоминавшийся нами В. В. Розанов, Н. А. Бердяев – в «Философии творчества» [28]), так и непосредственно к психоанализу (наиболее яркий пример – также уже нами названный труд Б. П. Вышеславцева «Этика преображённого Эроса» (1931) [54]).

Однако указанный интерес возник не на пустом месте. В. С. Соловьёв, оказавший идейное влияние на всю эпоху, посвятил вопросу пола труд «Смысл любви» (1892–1893) [204], в котором указал на теснейшую метафизическую связь любви и смерти, что во многом предвосхитило психоаналитическую концепцию Эроса и Танатоса, а также учения российских последовательниц З. Фрейда Лу (Луизы) Густавовны Андреас-Саломе (1861–1937) и Сабины Николаевны Шпильрейн (1885–1942).

Имена и той, и другой женщин были незаслуженно забыты в отечественной культуре XX века, и только теперь их судьбы и труды становятся предметом пристального исследовательского внимания и творческого постижения наших современников. Россиянки по происхождению, они внесли значимый вклад в развитие интеллектуальной культуры как Запада, так и своей родной страны.

А. М. Эткинд документально воссоздал драматическую историю личных взаимоотношений Ф. Ницше и Лу Андреас-Саломе, указал на совпадение интеллектуальных интересов В. С. Соловьёва и Лу Андреас-Саломе к философии Ф. Ницше и к вопросам пола.

Публикации В. С. Соловьёва и Лу Андреас-Саломе, посвящённые этой проблематике, даже хронологически близки: серия статей В. С. Соловьёва «Смысл любви» вышла в 1893 году, а перевод на русский язык труда Лу Андреас-Саломе «Friedrich Nietzsche in seinen Werken» («Фридрих Ницше в своих произведениях») (Wien, 1894) [276] – первого в России систематического изложения ницшевской философии – в 1896 г. [7].

Вслед за указанной книгой о Ф. Ницше, 1899 году, В. С. Соловьёв публикует статью «Идея сверхчеловека» (1899), в которой констатирует возрастающую популярность ницшеанских идей в России и, вступая в полемику с немецким мыслителем, предлагает христианскую трактовку концепции сверхчеловека, идеальным образом которого, с его точки зрения, является Иисус Христос.

Мыслитель создал неоднозначную философско-антропологическую модель «сверхчеловека», преодолевающего смерть и не нуждающегося в объекте для воспроизводства самого себя: его всесовершенный образ является субъектом и объектом в одном лице. В этой трактовке, безусловно, заметна встречающаяся и в других работах В. С. Соловьёва античная мыслительная парадигма, связанная с мифом о проточеловеке-андрогине. Христианский платонизм становится опорой для соловьёвской мысли: сверхчеловек, подобно восстановленному в духовной плоти древнему андрогину – первозданному Адаму, является тем идеалом, в котором преодолевается смерть и достигается бессмертие – чем и определяется, согласно философу, осуществление христианской миссии современного человечества.

В 1910 году, за год до знакомства с З. Фрейдом, но уже находясь под влиянием его идей, Лу Андреас-Саломе опубликовала книгу «Die Erotic» («Эротическое») [275; русск. пер.: 8]. Концептуальные основания работы были, безусловно, фрейдистские, однако фактология соловьёвской метафизики пола в этой работе очевидно также присутствует.

В. С. Соловьёв начинал свои рассуждения с тезиса о том, что смысл половой дифференциации следует искать не в природной необходимости размножения живых существ, а в идее высшего организма («Смысл любви»). У большинства низших организмов (растительных и отчасти животных) размножение происходит (или может происходить) бесполом образом (деление, почкование, споры, прививки, партеногенезис). У высших организмов половая любовь и родовое размножение находятся в обратном отношении: чем интенсивнее половое влечение (чувство, стремление), тем в меньшей степени представлена сила родового размножения:

Разительное этому подтверждение мы находим в следующем великом факте. В пределах животных, размножающихся исключительно половым образом (отдел позвоночных), чем выше поднимаемся мы по лестнице организмов, тем сила размножения становится меньше, а сила полового влечения, напротив, больше [204, с. 99-100].

Как и В. С. Соловьёв, Лу Андреас-Саломе описывает процесс индивидуации полового инстинкта в жизненном цикле природных организмов. На эволюционном пути от низших форм к высшим формам, пределом которых является человек, происходит значительное усложнение фактора половой дифференциации. Однако и на человеческом уровне индивидуация инстинкта не останавливается: от индивидуальной душевной организации личности зависят половые предпочтения и выбор сексуального объекта.

Эротическая (половая) любовь трактовалась Лу Андреас-Саломе как главная движущая сила человеческих отношений, так как именно в ней явлена человеку возможность единения с основами мироздания:

Дальше и дальше может она действовать подобно тому, как она поступает в физическом слиянии: охваченный ею, человек зарождает настоящую полноту жизни в контакте с другим человеком, в нём высвобождается его творческая сила, так дело всей жизни, вся внутренняя плодотворность и красота могут брать своё начало только из этого контакта, ибо это именно то, что для каждого человека означает «всё» – момент связи с недостижимой подлинностью вещей [6].

Эротически окрашенное «всё», из которого берут начало «творческое начало», «внутренняя плодотворность», «красота» и «полнота жизни», безусловно, корреспондирует с мистической концепцией «всеединства» В. С. Соловьёва [261, с. 34–35]. В трактате «Эротическое» воспроизводится антиномическая модель любви и ненависти, пожалуй, впервые перемещённая в психоаналитический контекст и в этом контексте напрямую соотносимая с понятием «всеединство»:

И так среди людей, как и среди животных, – пишет Лу Андреас-Саломе, – оказывается справедливой общеизвестная истина, согласно которой любовь полов является борьбой полов, и ничто так легко не переходит одно в другое, как любовь и ненависть. Ведь если себялюбие расширяет себя в сексуальности, то оно одновременно обостряется в ней до своих сильнейших эгоистических желаний, и если оно идёт вперёд в себялюбивом наступлении, то опять же только для того, чтобы всё завоёванное вознести на трон, даже выше самого себя: повсюду из-за своей физической обусловленности встречая препятствия односторонне ясной разработке своих душевных намерений и всё-таки глубже, чем всё иное, указывая ими на *всеединство* (курсив мой. – Д. Ш.), которым мы являемся в самих себе [8, с. 47].

Одним из символов «всеединства», по В. С. Соловьёву, была София – воплощение «мировой души», мистический образ вечной женственности и богочеловечества. (Истоки «софийных» мотивов в соловьёвской философии восходят к гностицизму и теологии раннего христианства [106].) Софийное начало мироздания, выражающее его женскую природу, становилось в трактовке русского мыслителя средством соборного воссоединения поражённого грехопадением человечества. Лу Андреас-Саломе, также как и В. С. Соловьёв, отождествляет бытийное первоначало с женской, порождающей сущностью и описывает её в категориях мысли русского философа:

Таким образом, даже последнее слово, даже слово разрушения рассудка, даже слово трагически ненамеренно гулящего в женщине превращается в подтверждение *всеединства* (курсив мой. – Д. Ш.), которым для неё является любовь [8, с. 57].

В онтологической неравнозначности полов – активного, теургического, мужского и пассивного, восприимлющего, материнского, софийного, женского начал – философ усматривал призыв к воссоединению и преображению плоти как эсхатологическому апокатастасису человечества [107]. Лу Андреас-Саломе воспроизводит эту идею не на богословском, а на психоаналитическом языке:

Эротическое – это всё то, что относится к изначальной силе притяжения, преодолевая при этом существующую разделённость и несходство между телесными и духовными проявлениями его сути, подчеркивая физический момент в духовном и наоборот [6].

Не менее интересным и оригинальным продолжением идей соловьёвской метафизики пола следует признать учение С. Н. Шпильрейн, описавшей возрождение через умирание как универсальный закон жизни.

Психоаналитическое осмысление деструктивных сил, действующих в человеческой психике, началось в 1910-е годы в исследованиях В. Штекеля и К. Г. Юнга. (Именно В. Штекель использовал имя древнегреческого бога смерти «Танатос» для обозначения деструктивного влечения.)

В работе «Деструкция как причина становления» [251], опубликованной в 1912 году, С. Н. Шпильрейн обобщила эти теоретические представления и дала собственную психоаналитическую интерпретацию проблемы существования деструктивного начала в человеческой психике, повлиявшую на позднейшую теорию влечений З. Фрейда.

Естественнонаучная сторона исследования подтверждалась биологическими фактами. (Известно, что русский биолог И. И. Мечников впервые указал на наличие «инстинкта смерти», который, «в потенциальной форме, гнездится в природе человеческой» [149, с. 231].)

Культурфилософская составляющая научного исследования С. Н. Шпильрейн была чрезвычайно насыщена и включала крайне интересное истолкование наследия Ф. Ницше. Однако структурообразующую роль в работе играл лейтмотив амбивалентного единства любви и смерти, который, безусловно, был связан с культурной парадигмой, восходящей к философии В. С. Соловьёва.

Именно В. С. Соловьёв в трактате «Смысл любви» в развёрнутом виде представил известную древнюю метафору, которая на языке Гераклита звучала так – «Дионис и Гадес – одно и то же» [204, с. 131]. Русский мыслитель обосновывал эту метафору диалектикой индивидуального и родового начал в живой природе. Полнота жизненных сил любого природного организма принадлежит витальной мощи его рода, который, являясь порождающим началом, одновременно несёт в себе и беспощадный закон прекращения жизненного цикла – смерти индивидуального существа. Единство рождения и разрушения, символическим представителями которых у Гераклита стали Дионис и Гадес (Аид), характеризуют, по В. С. Соловьёву, жизненный мир природных организмов на всех его уровнях.

На низших ступенях эволюции в жизненном цикле природных особей рождение и умирание совпадают – в буквальном смысле:

...здесь особи существуют только для того, чтобы произвести потомство и затем умереть; у многих видов они не переживают акта размножения, умирают тут же на месте, у других переживают лишь на очень короткое время [204, с. 131].

Однако по мере возрастания биологического совершенства и органической сложности живых существ природа ограничивает и ослабляет действие этого закона: функция продолжения рода постепенно отделяется и всё более отдаляется от разрушительных законов умирания и смерти.

Цель подлинно эротической любви, согласно его мысли, – преобразование пола, побеждающее смерть. В. С. Соловьёв достаточно противоречиво рассуждает на философском языке о том, о чём в принципе необходимо вести речь психоаналитически. До тех пор пока человек размножается как животное, он будет подвержен закону умирания, царящему в животном мире. И даже простое воздержание от родового акта (девство, монашество, скопчество), продолжает мысль В. С. Соловьёв, не избавляет человека от смерти как дезинтегрирующего фактора. Более того, сам факт природной дифференциации полов, не устраняемой внешне физиологическим соединением в половом акте, есть уже свидетельство состояния дезинтеграции и «начала смерти».

С «биологической» аналогии начинается и работа С. Н. Шпильрейн (да и книга Лу Андреас-Саломе начиналась с этой же аналогии!). Причём С. Н. Шпильрейн буквально повторяет мысль В. С. Соловьёва о биологическом единстве жизни и смерти в природном мире:

При зачатии происходит соединение женской и мужской клеток. Каждая клетка при этом уничтожается как единство, и из продукта уничтожения возникает новая жизнь. Некоторые низшие живые существа,

например, мухи-поденки, с произведением нового поколения лишаются жизни и умирают. Для них создание – это одновременно и гибель, что, взятое само по себе, есть наиболее страшное для живущего. Если собственная гибель посвящена новому созданию, то она становится для индивида страстно желаемой [251, с. 111].

Таким образом, С. Н. Шпильрейн формулирует концепцию деструкции как причины становления: через смерть, разрушение и гибель зарождается новая жизнь. В акте созидания содержится его негатив – деструкция. Биологический процесс размножения живых организмов, т. е. процесс самовоспроизведения в природе, основан на инстинктах жизни и смерти. Этот биологизаторский подход, очевидно представленный и в работе В. С. Соловьёва, значительно схематизирует само исследование. Однако для нас важно указать на принципиальное методологическое родство и концептуальное сходство исследований С. Н. Шпильрейн и русского философа именно в этом естественнонаучном контексте рассуждений.

Противоречие в концепции «половой любви» В. С. Соловьёва заключается в том, что, с одной стороны, утверждается необходимость преодоления пола в процессе эсхатологического преобразования как решающей победы над смертью (влияние учения Н. Ф. Фёдорова), а с другой – декларируется вера в возможность свершить это преодоление средствами самого пола. (Отметим, что у Платона любовь, как её определяет миф об Эроте (в изложении Аристофана – участника диалога «Пир»), также предстаёт в качестве исключительно человеческого стремления, которое для своего осуществления должно выйти за пределы природы человека как единичного существа.) «Эротическая утопия» В. С. Соловьёва (так назвал эту концепцию кн. Е. Н. Трубецкой), продолжая платоновское понимание Эроса как начала любовного влечения плоти, достигающего вершин стремления к идеалу, именно в половой любви открывала силу для победы над смертью.

Концептуальное противоречие в размышлениях В. С. Соловьёва (отмеченное как им самим, так и в работах его оппонентов и критиков – например, кн. Е. Н. Трубецкого, В. В. Зеньковского) обусловило поиск возможности выхода из мыслительного тупика. Таковым и стало возрождённое В. С. Соловьёвым и трансформированное им в гностически-христианском контексте учение Платона об андрогинизме, приобретшее у русского мыслителя религиозно-утопический характер.

В статье «Жизненная драма Платона» (1898) В. С. Соловьёв развивает учение о половой любви, высшей формой которой является не внешне материальное, физиологическое, а внутреннее соединение любящих (*сизигия*), которое, не уничтожая телесное начало, восстанавливает целостность человека, его «всеединство».

Сам Соловьёв, – подчёркивает В. В. Зеньковский, – тут же и употребляет слово «андрогинизм»: постройка рядом слова «восстановление» могло бы означать, что андрогинизм предшествовал половому диморфизму. Но такое понимание было бы чистым недоразумением, так как «восстановление» относится не к андрогину, которого ещё не было в истории, а к образу Божию. <...> Любовь (половая) и является той силой, которая ведёт весь мир (через человека) к осуществлению всеединства [90, с. 57].

Однако нас мало интересует сейчас проблема утопичности воззрений В. С. Соловьёва на Эрос. Мы хотели лишь указать на совпадение контекстов его метафизики любви и концепции, изложенной в рассматриваемой работе С. Н. Шпильрейн (повлиявшей в свою очередь на позднейшее психоаналитическое учение З. Фрейда о влечениях к жизни и смерти).

Обращение к философии Ф. Ницше у С. Н. Шпильрейн не было случайным: культурфилософский контекст эпохи обусловил этот интерес и в психоаналитических кругах.

Однако анализируя ницшевскую концепцию физического перерождения человека и преодоления человеческой природы в «сверхчеловеческом» существе, она придала ей своеобразную, психоаналитическую интерпретацию. На биологическом материале (очень схожим с примерами В. С. Соловьёва, как мы убедились), на мифологических и литературных фактах С. Н. Шпильрейн доказывает, что деструктивность (влечение к смерти) является основополагающим принципом человеческой психики, и рассматривает представления о разрушении в контексте психического аутоэротизма Ф. Ницше:

У Ницше, который оставался одиноким всю свою жизнь, всё либидо обращалось к собственной личности. Как Ницше понимал любовь, или, вернее, как он её чувствовал? Одиночество так сильно мучило поэта, что он создал себе идеального друга, Заратустру, с которым он себя идентифицировал. Тоска по объекту любви привела к тому, что Ницше в себе самом стал мужчиной и женщиной, и то, и другое в едином образе Заратустры [251, с. 129].

Идея «сверхчеловека», согласно этой концепции, есть результат идентификации философа с матерью: эта фантазия симбиотического единства отражает мужеженскую, андрогинную природу воображаемого существа, в которой преодолевается телесная ограниченность, половой диморфизм и смертность человека. Именно поэтому человек, по Ф. Ницше, – это то, что необходимо преодолеть, поскольку человек, возвысившийся над собственной природой, рождает сверхчеловека. И преодоление это возможно как восстановленное единство, достигнутое путём слияния активно познающего – мужского начала и пассивно принимающего, порождающего – женского начала, в некоем умопостигаемом мыслителем синтезе:

Тоска по познанию, таким образом, для поэта не что иное, как тоска по живущей в его глубине матери. Если мать – это его собственная глубина, то соединение с матерью надо понимать аутоэротично, то есть как соединение с самим собою [251, с. 130].

Причём женская, материнская, плодоносящая природа этого синтеза и является у Ф. Ницше моделирующей матрицей будущего рождения нового человека.

Таким парадоксальным образом аутоэротизм (в терминах З. Фрейда «первичный нарциссизм») приобретает в концепции С. Н. Шпильрейн и антропологическое, и культурологическое измерение: рождение нового человека, как и рождение новой культуры, связано с идеей возвращения к первоначальному симбиотическому единству с матерью – прохождением через смерть и перерождением в материнской утробе. Так «эротическая утопия» В. С. Соловьёва с умозрительным проектом «андрогинизма», религиозная составляющая которого представлена «софийной», т. е. «премудрой», материнской, женской природой, была изложена на психоаналитическом языке С. Н. Шпильрейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.